

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ВОРОНЕЖСКИХЪ
ЕПАРХИАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

1 МАЯ.

№ 9

1902 ГОДА.

С Л О В О,

произнесенное Преосвященнѣйшимъ Анастасіемъ, Епископомъ Воронежскимъ и Задонскимъ, 4 Апрѣля 1902 г. предъ панихидою по Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ Димитрѣ Сергѣевичѣ Сипягинѣ ¹⁾.

Сегодня у насъ четвертое Апрѣля; но, помните ли вы, возлюбленные о Господѣ братіе, что въ этотъ день случилось назадъ тому тридцать шесть лѣтъ? Въ этотъ день, въ 1866 году, было первое злодѣйское покушеніе на драгоцен-

¹⁾ Воспроизведено однимъ изъ слушателей, св. Г. А.

ную жизнь Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича. Небывалое и неслыханное дотоле преступленіе! На протяженіи тысячелѣтней исторіи Русскаго Царства на престолѣ его были разные цари: были добрые—благодѣтели и печальники своего народа, стяжавшіе всеобщую любовь и бессмертную по себѣ память, но были и съ другими качествами. Однако никто изъ подданныхъ русскаго царства не дерзалъ открыто поднять руку на священную особу своего Государя. Отличительной чертой нашихъ предковъ въ отношеніи къ царямъ были преданность и вѣрность имъ при всѣхъ невгодахъ житейскихъ. Они носили въ сердцахъ своемъ страхъ Божій и всегда помнили, что царь есть особый избранникъ Божій и что, потому, *касающійся царя касается зѣницы ока Господня* (Зах. 2, 8). Но, вотъ вольномысліе и вольнодумство въ наши времена начинаетъ колебать въ нетвердыхъ умахъ прежнюю преданность и вѣрность царямъ. Исчадіемъ такого направленія явился злодѣй Баранозовъ, дерзнувшій 4 Апрѣля 1866 года поднять святотатственную руку на Государя Императора въ то время, когда послѣдній мирно и спокойно гулялъ въ лѣтнемъ саду, въ С.-Петербургѣ. Но Милосердый Господь не допустилъ тогда совершиться ужасному и позорному злодѣянію. Случившійся здѣсь крестьянинъ Юсифъ Ивановичъ Комисаровъ во-время удержалъ руку злодѣя и спасъ Государя отъ угрожавшей ему опасности. Думалось, что величайшая милость Божія, явленная на сей разъ Россіи, вразумитъ заблудшихъ и положитъ конецъ подобнымъ покушеніямъ. Но, къ глубокому сожалѣнію, послѣдствія не оправдали такихъ чаяній. Покушенія на жизнь обожаемаго Монарха со стороны анархистовъ и безбожниковъ продолжались, пока, наконецъ, завершились страшнымъ злодѣяніемъ 1 Марта 1881 года, къ ужасу всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи. Среди бѣлаго дня, въ

своей сѣверной столицѣ, палъ отъ руки злодѣя Царь—благодѣтель народа,—Царь, о которомъ даже недруги наши, при всей своей нерасположенности къ Россіи, говорили, что ни одинъ изъ монарховъ не сдѣлалъ для своего народа столько добра, какъ незабвенный Александръ II. Это ужасное и неслыханное злодѣяніе неизгладимымъ позоромъ заклеило нашу землю.—Послѣ смерти Александра II на престолъ вступаетъ сынъ его Александръ III, достойнѣйшій и избраннѣйшій изъ избранниковъ Божіихъ. Онъ крѣпкою и твердою рукою править царствомъ, обративъ все вниманіе на внутреннее его благоустройство. Въ его дни безначаліе и безбожіе не смѣли заявлять о себѣ, и мы (во все время его тринадцатилѣтняго царствованія) наслаждались миромъ и спокойствіемъ. Но, когда Господу угодно было отозвать къ себѣ мудраго и возлюбленнаго нашего Монарха и когда на престолъ вступилъ достойный сынъ его, нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ, который править царствомъ, слѣдуя завѣтамъ своего незабвеннаго родителя; то, по особому поущенію Божію, стоголовая гидра безначалія снова оживаетъ и начинаетъ заявлять о себѣ съ большею смѣлостію и дерзостію.—Въ нашихъ либеральныхъ газетахъ открыто высказываются антиправительственные и антирелигіозные взгляды, при посредствѣ заграничныхъ печатныхъ стаяковъ и нашихъ гектографовъ во множествѣ печатаются въ средѣ едва научившагося читать простого народа, такъ называемыя, подпольныя изданія возмутительнаго содержанія; наша учащаяся молодежь—эта надежда Россіи, подстрекаемая и руковсдимая мнимыми друзьями человѣчества, безумствуетъ и производитъ беспорядки и волненія, какъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, такъ и на улицахъ и площадяхъ градскихъ; многіе, въ погонѣ за просвѣщеніемъ, съ особенною жадностію набрасываются на чтеніе извѣстныхъ ядоносныхъ произведеній графа Льва Тол-

стого и его компаніи. Не довольствуясь этимъ, враги отечества дѣлають покушенія открыто на жизнь ближайшихъ вѣрныхъ слугъ царевыхъ. Въ прошломъ году мы оплакивали преждевременную кончину Министра Народнаго Просвѣщенія Николая Павловича Боголѣзова, навшаго отъ руки злодѣи 2 Марта; немного спустя, съ ужасомъ услышали о покушеніи на жизнь К. П. Побѣдоносцева—Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода; въ настоящее время сообщается намъ о новомъ ужасномъ злодѣяніи. Вотъ что говорится въ телеграммѣ, вчера полученной изъ Петербурга:

„2 Апрѣля, около часу дня, при входѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ помещеніе Комитета Министровъ въ Маріинскомъ дворцѣ, пріѣхавшій за нѣсколько минутъ до этого въ каретѣ и ожидавшій министра въ швейцарской комнатѣ неизвѣстный человѣкъ въ военной офицерской формѣ, подавая запечатанный конвертъ, произвелъ въ министра четыре выстрѣла, причемъ двумя пулями тяжело ранилъ егермейстера Сипягина. Раненому, по перенесеніи его въ Максимилиановскую лечебницу, была немедленно подана медицинская помощь докторами Вельяминовымъ и Трояновымъ; но, не смотря на это, егермейстеръ Сипягинъ черезъ часъ скончался. Слѣдствіе производится и установлено, что задержанный преступникъ, не будучи военнымъ, надѣлъ адъютантскую форму для облегченія себѣ доступа къ министру“.

Вотъ новая страшная вѣсть, которою потрясенъ прежде всего нашъ Благочестивѣйшій Государь, лишившійся вѣрнаго слуги въ лицѣ Дмитрія Сергѣевича Сипягина, и которая не можетъ не поразить каждаго вѣрнаго сына отечества! Не очевидно ли для всѣхъ благомыслящихъ, что стоголавая гидра безначалія рѣшилась уничтожить и обогрять кровью

все, что есть лучшаго въ Россіи, что стоитъ на пути анархизму въ его адскихъ замыслахъ?... Что же намъ дѣлать въ виду такихъ страшныхъ событій? Неужели ограничимся только тѣмъ, что поскорбимъ и помолимся въ этомъ святомъ храмѣ о упокоеніи души почившаго раба Божія боярина Дмитрія? Нѣтъ, возлюбленные о Господѣ братья и дорогіе соотечественники! Этого не достаточно. Не пора ли намъ, оставивъ равнодушіе и разьединеніе, серьезно подумать о мѣрахъ къ противодѣйствию злу, которое грозитъ опасностью разложенія Россіи? Не слѣдуетъ ли намъ, какъ чадамъ Церкви Христовой, силотиться всѣмъ воедино и, подѣ ея священнымъ знаменемъ, дѣйствовать въ духѣ вѣрованій и установленій Церкви? Вспомнимъ первые дни христіанства, когда *народу впровадившему бѣ сердце и душа едина*. (Дѣян. 4. 32), и возбудимъ въ себѣ желаніе слушать и исполнять уроки, которые преподаетъ намъ ежедневно Церковь. Вотъ въ настоящіе дни совершаются въ храмахъ продолжительныя богослуженія; Святая Церковь назидаетъ вѣрныхъ чадѣ чтеніями изъ Священнаго Писанія. Сколько въ нихъ спасительныхъ уроковъ для нашей личной, семейной и общественной жизни! Обратите вниманіе хотя на послѣднее паримійное чтеніе на только что окончившемся вечернемъ богослуженіи. Въ немъ, между прочимъ, Премудрый даетъ такое наставленіе: *«слушай, сыне, и премудръ бывай, и исправляй мысли твоего сердца»* (Прит. 23. 19).

Что онъ этимъ внушаетъ намъ? Внушаетъ слушаться наставленій Божественной Премудрости и съ ними сообразовать движенія своего сердца. Почему же именно «сердца»? Потому что отъ сердца, испорченнаго и грѣхлюбиваго, *«исходятъ помышленія злая: убійства, прелюбодѣнія, любодѣнія, татѣбы, лжесвидѣтельства»* и всякое другое зло. И пока сердце наше не чисто, оно не можетъ родить изъ

себя ни чистыхъ мыслей, ни добрыхъ намѣреній. Но, какъ оно можетъ быть чистымъ, если питается подпольными издавiями и произведенiями графа Л. Толстого и его единомышленниковъ?—Чтобы не увлекали насъ въ свои сѣти—враги нашего отечества, мы должны исправлять мысли нашего нечистаго сердца уроками Божественной Премудрости, заключенными въ словѣ Божiемъ. Самый вѣрный и лучшiй залогъ нашего общаго спокойствiя,—это утвержденiе въ умахъ и сердцахъ нашихъ чистыхъ, святыхъ, христіанскихъ началъ по ученiю Православной Церкви. Она истинная Мать наша,—руководимая Духомъ Божiимъ, научаетъ насъ быть вѣрными и преданными вѣрѣ, царю и отечеству.

Будемъ же всегда внимательны не къ подпольнымъ изданiямъ непризванныхъ учителей, которые развращаютъ наше сердце, но къ святымъ наставленiямъ Церкви Божiей; будемъ съ этими наставленiями сообразовать нашу жизнь и дѣятельность, если искренно желаемъ, чтобы не повторялись у насъ кровавыя событія, подобныя настоящему, собравшему насъ въ этотъ святой храмъ.

А теперь помолимся объ упокоенiи души вѣрнаго слуги царскаго Дмитрiя Сергѣевича Сипягина,—да вселитъ ее Господь въ селенiяхъ праведныхъ! Аминь.

Памяти Преосвященнѣйшаго Юсифа, Епископа Михайловскаго.

26 Марта, въ 4 часа пополудни, скончался на 67 году жизни, послѣ трехмѣсячнаго лѣченiя въ Петербургѣ, одинъ изъ достойнѣйшихъ іерарховъ русской церкви, Преосвященнѣйшiй Юсифъ, Епископъ Михайловскiй, викарiй Рязанской епархіи. Преосвященнѣйшiй Юсифъ, въ мірѣ Никодимъ Андреевичъ Соколовъ, сынъ священника Алексинскаго уѣзда

Тульской епархіи. Послѣ начальнаго домашняго ученія обучался въ Тульскомъ духовномъ училищѣ и затѣмъ въ Тульской духовной семинаріи, курсъ которой съ званіемъ студента окончилъ въ 1858 году. А чрезъ годъ, послѣ отдыха и поправленія своего слабаго здоровья, онъ поступилъ въ Кіевскую духовную Академію, курсъ которой со степенью кандидата окончилъ въ 1863 году, одновременно съ нынѣшнимъ директоромъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ т. с. П. И. Остроумовымъ. Въ Январѣ 1864 года онъ назначенъ былъ преподавателемъ греческаго языка и гражданской исторіи всеобщей и русской въ Волинскую духовную семинарію, гдѣ однако оставался недолго. Въ Іюль 1866 года, согласно прошенію, онъ былъ опредѣленъ штатнымъ учителемъ русскаго языка и русской словесности, а также исторіи и географіи Россіи и Польши въ Радомскую женскую гимназію. Это послѣднее назначеніе состоялось въ то время, когда по требованію главнаго директора народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ были вызываемы на службу сюда и другіе лучшіе воспитанники духовныхъ академій въ интересахъ наилучшаго укрѣпленія русскаго дѣла въ только что замиренномъ послѣ польскаго мятежа краѣ. Это было время, когда ѣхали сюда интеллигентныя русскія силы съ цѣлію послужить своему отечеству въ тяжелыя минуты его испытаній: требовался отъ нихъ усиленный подъемъ русскаго патриотическаго чувства и ясное сознаніе высокой культурной цѣли православной Россіи на польско-католической окраинѣ. Въ свою очередь и пребываніе на службѣ въ этомъ краѣ настойчиво проясняло самимъ русскимъ людямъ ихъ православно-русскія задачи и призваніе, возвышало, слѣд., идеальное ихъ настроеніе и готовило изъ нихъ убѣжденныхъ борцовъ за святое русское наслѣдіе, готовыхъ защищать его и отъ чужихъ его враговъ и отъ своихъ собственныхъ равнодушныхъ

оппортунистовъ. Къ числу такихъ убѣжденныхъ радѣтелей православно-русскаго дѣла на нашихъ окраинахъ того времени принадлежалъ и почившій святитель Іосифъ, еще въ качествѣ мірянина изъявившій готовность служить въ учебномъ вѣдомствѣ въ Царствѣ Польскомъ и нести всѣ тяготы службы въ усмиреномъ, но неспокойномъ еще краѣ. Кромѣ того, какъ питомца духовной школы, его привлекала сюда не свѣтская карьера, которой легко было достигнуть и ему. Согласно прошенію, онъ въ Іюль 1867 г., послѣ непродолжительной службы въ Радомѣ, былъ назначенъ законоучителемъ Сувалскихъ гимназій—мужской и женской, а также блюстителемъ и законоучителемъ начального православнаго въ г. Сувалкахъ училища, съ посвященіемъ въ санъ священника. А въ Августѣ 1872 году, онъ былъ опредѣленъ настоятелемъ новопостроенной Кирилло-Меодіевской церкви въ Ченстоховѣ, вмѣстѣ и законоучителемъ Ченстоховской мужской прогимназіи, блюстителемъ и законоучителемъ Ченстоховскаго начального православнаго училища. Но вслѣдствіе собственнаго желанія перемѣститься на службу въ Вильну по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, (можетъ быть подъ вліяніемъ испытаннаго здѣсь горя—утраты жены), онъ въ Январѣ 1878 года былъ опредѣленъ законоучителемъ Виленскихъ мужскихъ гимназій и учительскаго института и настоятелемъ Кирилло-Меодіевской церкви среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеній Вильны. А черезъ семь лѣтъ, въ 1885 году, опредѣленіемъ Св. Синода назначенъ ректоромъ Литовской духовной семинаріи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита по постриженіи въ монашество. И съ 11 Августа 1885 г. архим. Іосифъ, настоятель Виленскаго Троицкаго монастыря, стоитъ во главѣ управленія семинаріей до 17 Ноября 1891 года, когда, по всеподданнѣйшему докладу Св. Синода, ему Высочайше было повелѣно быть епископомъ брестскимъ, вторымъ викаріемъ литовской епархіи

у приснопамятнаго архієпископа Алексія (Лаврова), любовію и расположеніемъ котораго—кстати—былъ взысканъ почившій теперь владыка Іосифъ. Въ Маѣ 1897 года Преосвящен. Іосифъ былъ перемѣщенъ въ Викарія Воронежской епархіи и настоятеля Алексѣевского монастыря, а въ Январѣ 1900 года Высочайше повелѣно ему быть Епископомъ Михайловскимъ, викаріемъ Рязанской епархіи, гдѣ состоялъ и настоятелемъ Рязанскаго Спасскаго монастыря.

Вотъ краткія біографическія данныя о почившемъ Святителѣ Іосифѣ. Оставалось бы прибавить, что кромѣ исполненія своихъ официальныхъ служебныхъ обязанностей почившій святитель отдавалъ свой досугъ и на другія дѣла, вытекающія изъ сознанія имъ своего пастырско-христіанскаго долга. Будучи напр. законоучителемъ въ Сувалкахъ, онъ преподавалъ Законъ Божій въ мѣстныхъ воинскихъ школахъ, то же дѣлалъ и въ бытность свою на службѣ въ Ченстоховѣ; а будучи въ санѣ Епископа, онъ состоялъ напр. въ Воронежѣ предсѣдателемъ Воронежскаго братства Св. Воронежскихъ Святителей Митрофана и Тихона, комитета Воронежскаго православнаго миссіонерскаго общества, и Воронежскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, и товарищемъ предсѣдателя Воронежскаго отдѣла православнаго палестинскаго общества, и пр. А за свои ревностные труды по исполненію возлагавшихся и добровольно принимаемыхъ имъ на себя обязанностей онъ удостоиваемъ былъ Высочайшихъ наградъ, церковныхъ отличій и знаковъ вниманія со стороны учрежденій, которымъ онъ отдавалъ свой трудъ, матеріальныя вспомошествованія и пр. Онъ, напр., былъ признанъ въ званіи сотрудника церковно-археологическаго общества при Киевской духовной академіи, состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго общества любителей дух. просвѣщенія, холмскаго православнаго Богородицкаго братства, членомъ общества возстановленія пра-

вославіи на Кавказѣ, пожизненнымъ членомъ православнаго палестинскаго общества, почетнымъ членомъ братствъ су-
 прасльскаго, Слонимскаго и Полоцкаго, и пожизненнымъ чле-
 номъ Воронежскаго братства Св. Митрофана и Тихона и мн.
 др. въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Обремененный многими сложными служебными обязанно-
 стями, почившій Святитель Іосифъ оставилъ послѣ себя нѣсколь-
 ко историко-статистическихъ и археологическихъ трудовъ, изъ
 коихъ въ порядкѣ хронологическомъ ихъ изданія назовемъ слѣ-
 дующіе: 1) Ченстоховская икона Богородицы и церковь въ г.
 Ченстоховѣ (1881 г.), 2) Островоротная или Остробрамска
 икона Богородицы въ г. Вильнѣ, историческое изслѣдованіе
 (два изд., 1-е изд. 1883 г., а 2-е изд. 1890 г.), 3) Виленскій
 православный некрополь (Вильна 1892 г.), 4) Гродненскій
 православно-церковный календарь или православіе въ Брестско-
 Гродненской землѣ въ концѣ XIX в., въ 2-хъ томахъ (два
 изд., 2-е изданіе 1899 г. въ Воронежѣ, значительно допол-
 ненное историческими статьями о мѣстныхъ святыняхъ, но-
 выми и личными наблюденіями—съ 10 фототипическими
 видами). Сюда (во 2-й томъ) вошли и отдѣльно напечатан-
 ные изслѣдованія преосв. Іосифа: 1) Коложская въ г. Гроднѣ
 церковь, съ бывшимъ при ней Борисо-Глѣбскимъ монасты-
 ремъ, 2) Св. преподобно-мученикъ Аѳанасій, игумень брест-
 скій, 3) Св. мученикъ Гавріилъ заблудовско-слуцкій урожде-
 нецъ Звѣрковскій и др. статьи.

Воскрешая въ своихъ историко-археологическихъ изы-
 сканіяхъ мѣстную старину, почившій святитель немало по-
 трудился и надъ созданіемъ вещественныхъ памятниковъ
 своей настырской попечительности. Въ бытность свою вива-
 ріемъ въ Гроднѣ онъ воздвигъ изъ тьмы забвенія и со-
 хранилъ отъ полнаго разрушенія мѣстную историческую свя-
 тыню—Коложскую церковь, а въ Воронежѣ устроилъ въ

колокольнѣ Алексѣевского монастыря храмъ во имя преп. Сергія, въ рязанскомъ же Спа сскомъ монастырѣ почти привелъ къ концу постройку домовою церкви съ больницею для братіи и школою при помѣщеніи викарнаго архіерея. Но, къ сожалѣнію, съ передвиженіемъ почившаго на другія мѣста службы, начатыя имъ реставраціи и новыя постройки не доведены еще и теперь до конца. Во всякомъ случаѣ начатое имъ святое дѣло храмоздательства, по всей вѣроятности, не замедлитъ найти столь же ревностныхъ продолжателей. Дай Богъ!

Вообще съ кончиною Преосв. Іосифа сошелъ съ земного поприща архипастыръ неутомимый въ своей дѣятельности, точно-исполнительный, какъ въ служебныхъ дѣлахъ, такъ и въ частныхъ отношеніяхъ, вѣрный своему долгу безъ излишнихъ уступокъ житейскимъ компромиссамъ, но въ то же время необыкновенно скромный въ своей частной жизни, въ высшей степени привѣтливый и благодушный. Оттого его такъ любили люди, знавшіе его близко или нуждавшіеся въ его христіанско-пастырской помощи, которую онъ съ любовію оказывалъ всѣмъ въ ней нуждавшимся. Да будетъ же ему наградою за эту любовь и неизмѣнную вѣрность своему долгу благодарная память среди живыхъ сыновъ церкви и вѣчное блаженство въ царствѣ вѣчно-блаженныхъ духовъ! Вѣчная ему память!

(Церк. Вѣстн. № 14).

Кончина и погребеніе Преосвященнаго Іосифа.

Кончина Преосвященнаго Іосифа послѣдовала въ квартирѣ его зятя проф. П. Н. Жуковича. Вскорѣ послѣ кончины его прибыло лаврское духовенство во главѣ съ о. благочиннымъ архимандритомъ Софроніемъ, которымъ и было совершено омовеніе тѣла почившаго освященнымъ елеемъ; затѣмъ по при-

бытіи Преосвященнаго Иннокетія, Епископа Нарвскаго, почившій владыка былъ облаченъ во всѣ святительскія одежды при пѣвнн монашеской братіи: «Да возрадуется душа твоя о Господѣ», была затѣмъ совершена архіерейскимъ служеніемъ первая панихида по усопшемъ, и положено начало чтенію Св. Евангелія, не прекращавшемуся до самаго погребенія. Въ среду утромъ была совершена панихида учащими въ духовной академіи уроженцами тѣхъ епархій, гдѣ служилъ Преосвященный. Въ 12 часовъ дня Преосвященнымъ Иннокентіемъ, послѣ панихиды, тѣло владыки было положено во гробъ, а въ 5 часовъ состоялся выносъ его въ Исидоровскую церковь Александро-Невской лавры. Въ торжественномъ крестномъ ходѣ принимало участіе многочисленное столичное духовенство, во главѣ съ Преосвященнымъ Сергіемъ, ректоромъ духовной Академіи, при умилительномъ пѣвнн Исаакіевскимъ хоромъ прмосовъ «Помощавъ и покровитель». Въ церкви тѣло было встрѣчено высокопреосвященнымъ митрополитомъ Антоніемъ, который и совершилъ торжественную панихиду, въ сослуженіи преосвященнаго Сергія и многочисленнаго столичнаго духовенства. Такая же панихида была совершена Преосвященнымъ Иннокентіемъ въ четвергъ, послѣ литургіи преждеосвященныхъ даровъ, которую совершалъ бывшій ректоръ Рязанской семинаріи, нынѣ архимандритъ Іоаннъ, а вечеромъ наканунѣ отпѣванія было совершено торжественное всенощное бдѣніе (парастасъ) по почившемъ, причемъ «мертвенный канонъ» читалъ Преосв. Иннокентій на срединѣ храма. Въ самый день погребенія заупокойную литургію совершалъ владыка-митрополитъ, при пѣвнн митрополичьяго хора; на погребеніе вышли вмѣстѣ съ высокопреосвященнымъ митрополитомъ четыре архіерея: Тихонъ, архіепископъ Иркутскій и Верхотенскій, Тихонъ, епископъ Полоцкій и Витебскій, Сергій, епископъ Ямбургскій, ректоръ духовной академіи, и

Константинъ, епископъ Гдовскій, восемь архимандритовъ, лаврскіе іеромонахи и представитель Рязанскаго духовенства, прибывшій на погребеніе, ключарь кафедральнаго собора о. М. И. Лебедевъ. Въ Исидоровской церкви, рядомъ съ недавно умершимъ епископомъ Борисомъ, членомъ училищнаго совѣта при Св. Синодѣ, бывшимъ ректоромъ С.-ПБ. дух. академіи, — на солеѣ, противъ сѣверныхъ вратъ алтаря было опущено въ склепъ тѣло почившаго преосвященнаго епископа Іосифа. Любитель церковности, онъ и мѣсто вѣчнаго упокоенія нашель въ церкви, гдѣ совершается ежедневное богослуженіе, на клиросѣ, вблизи къ алтарю Господню.

(То же Церк. Вѣстн. № 14).

НАЗРѢВШЕЕ ДѢЛО.

(По поводу богословскихъ чтеній).

I.

Въ русскомъ обществѣ за послѣднее время замѣчается довольно сильное пробужденіе интереса къ религіознымъ вопросамъ. Тотъ индифферентизмъ, съ какимъ «образованные» русскіе люди относились къ вопросамъ вѣры, теперь начинаетъ ослабѣвать, уступая передъ живымъ исканіемъ Бога. Это явленіе отмѣчено не только духовной печатью, но и свѣтскими изданіями, а въ самое послѣднее время оно нашло своего лѣтописца въ лицѣ П. Д. Боборыкина, который въ романѣ «Исповѣдники» довольно вѣрно, съ внѣшней стороны, нарисовалъ цѣлую галерею искателей вѣры изъ разныхъ классовъ общества. Нельзя также не отмѣтить того интереса, съ какимъ читающее общество стало относиться къ сочиненіямъ публицистовъ съ религіознымъ направленіемъ, напр.:

Неплюева, Розанова, Мережковского, не говоря уже о надѣлавшемъ столько шума Стаховичѣ. Вопросы, возбужденные этими и другими публицистами, такъ жизненны, что сами собою натолкнули въ некоторыхъ изъ петербургскихъ духовныхъ лицъ и писателей на мысль объ организаціи особаго религиозно-философскаго общества, для свободнаго обмѣна мнѣній по вопросамъ религиозно-метафизическимъ. Благоклонно принятая Митрополитомъ Антоніемъ, эта мысль осуществилась къ концу 1901 г., и въ настоящее время молодое общество является однимъ изъ самыхъ оживленныхъ учреждений, привлекая на свои засѣданія людей разныхъ направленій и отвѣчая такъ или иначе на самые животрепещущіе вопросы религиознаго сознанія. Правда, осторожные люди еще съ опасеніемъ присматриваются къ этому обществу, равно какъ и ко всему современному религиозному броженію, видя въ немъ много сектантскаго, самовольнаго, предъявляющаго къ наличной церковной дѣйствительности самыя высокія требованія и во имя этихъ требованій осуждающаго эту дѣйствительность. И, конечно, нельзя не согласиться, что не только въ этомъ обществѣ, но и вообще въ нынѣшнемъ движеніи много антицерковнаго, какъ много и туманнаго, неопредѣлившагося, какихъ-то еще неясныхъ порывовъ къ «невѣдомому Богу». Такіе порывы часто выражаются въ уродливыхъ формахъ и еще болѣе отталкиваютъ отъ себя многихъ сторонниковъ православно-церковнаго религиознаго сознанія. Но какъ бы ни было несовершенно это броженіе, все же оно несравненно болѣе вызываетъ надежды и ожиданій, чѣмъ холодное равнодушіе. Пусть въ немъ много сектантскихъ элементовъ, но хорошо уже то, что славшіе проснулись, хорошо то, что теперь уже не въ модѣ совершенное отрицаніе вѣры. Сдѣлать остальное, т. е. привести этихъ мятущихся людей къ положительному христіанскому сознанію—во власти Божіей.

Но и служители церкви теперь не имѣютъ права говорить, что они бессильны въ борьбѣ съ невѣріемъ образованныхъ классовъ. Если сами свѣтскіе образованные люди возбуждаютъ вопросы религіозные, то уклоняться отъ отвѣтовъ на нихъ было бы стыдно духовнымъ лицамъ. А въ такомъ случаѣ должно начаться общеніе между интеллигенціей и представителями богословской мысли. Пусть это общеніе будетъ шероховато, но опять таки оно лучше, чѣмъ полный разрывъ, чѣмъ та китайская стѣна, которая до сихъ поръ лежала между этими двумя группами.

II.

Недавно скончавшійся Харьковскій архіепископъ Амвросій въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей, остановившись на враждебныхъ отношеніяхъ интеллигенціи къ церкви, призналъ самую полезную практическую борьбу съ этимъ печальнымъ явленіемъ. По мысли покойнаго архипастыря, образованные люди, преданные Церкви, своею жизнью должны показать, что они находятся въ единеніи съ Церковью. Это лучше всякой полемики покажетъ враждебно настроенной къ Церкви интеллигенціи, что церковное ученіе есть не мертвая буква, а ученіе жизни. Для облегченія такой практической борьбы владыка совѣтовалъ ревнителямъ православія организоваться въ кружки, которые, занимаясь вопросами вѣры, поддерживали бы въ своихъ членахъ энергію въ предпринятомъ ими дѣлѣ. Жизнь сама постоянно наталкиваетъ на мысль о необходимости такихъ кружковъ. У насъ не только міряне съ духовенствомъ, но и сами священники, даже въ городахъ, мало видяють въ нужды другъ друга. А между тѣмъ одна борьба съ городской безнравственностью и съ какимъ то роковымъ пониженіемъ религіозности среди городского населенія, сравнительно съ сельскимъ, должна бы заставить городскихъ свя-

щенниковъ собираться вмѣстѣ для обсужденія средствъ и самой программы борьбы съ этими ненормальностями ¹⁾. Не говоримъ уже о томъ, что такія собранія были бы лучшимъ средствомъ подновленія и освѣженія тѣхъ богословско-философскихъ знаній, какія когда-то приобрѣтались въ школѣ. Если приходскіе священники являлись бы на эти собранія съ впечатлѣніями живой и непосредственной дѣятельности, то законоучители и наставники духовно-учебныхъ заведеній дѣлились бы съ ними новостями богословско-философской литературы. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что на собранія пошли бы и міряне, изъ среды которыхъ всегда выдѣляются люди съ основательной начитанностью въ церковной литературѣ. Такимъ образомъ могло бы организоваться религиозное общество и съ практическими и съ теоретическими задачами.

Но... пока все это только мечты. Ячейка для такого общества возникла не тамъ, гдѣ ее всего естественнѣе было ожидать. Маленькое общество съ одними, правда, теоретическими запросами возникло не изъ взаимодѣйствія приходскихъ священниковъ и духовной школы, а изъ запросовъ свѣтскихъ лицъ, привлечшихъ къ себѣ вниманіе въ некоторыхъ священниковъ. Не называя именъ, скажу, что члены этого кружка—люди разныхъ профессій и образовательныхъ ценовъ: тамъ и купецъ, и юристъ, и военный, и священникъ, и педагогъ. Этотъ кружокъ, занимающійся обсужденіемъ разныхъ религиозныхъ темъ, не разъ высказывалъ желаніе, чтобы дѣло было поставлено шире, чтобы вопросы вѣры обсуждались научно, а для этого признавалъ полезнымъ организацию научно-популярныхъ богословскихъ чтеній. Религиозныя чтенія,

---

¹⁾ См. «Интересы и нужды епархіальной жизни» Воронежъ. 1902 г.), стр. 70—77.

ежегодно устрояемая Братством свв. Митрофана и Тихона, не могли удовлетворить этихъ, равно какъ и многихъ другихъ, лицъ, такъ какъ эти чтенія рассчитаны на простонародныхъ слушателей. Отвѣчая на этотъ законный запросъ, кружокъ преподавателей духовной семинаріи рѣшилъ произвести опытъ съ научно-популярными богословскими чтеніями.

III.

Для перваго раза рѣшено было устроить чтенія въ воскресные дни великаго поста. Въ чтеніяхъ приняли участіе семь лицъ, предложившихъ слѣдующія темы, какъ наиболее интересныя для свѣтской публики: 1) «Вѣра и знаніе, религія и наука», прот. В. П. Борисоглѣбскій; 2) «Нравственность и религія», С. А. Алферовъ; 3) «Значеніе вѣры въ личное безсмертіе для нравственной жизни», П. В. Никольскій; 4) «Значеніе Церкви Христовой въ жизни христіанина», В. Б. Недѣльскій; 5) «Вл. С. Соловьевъ, какъ религіозный мыслитель», П. Н. Щукинъ; 6) «Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ Идеаль нравственной жизни», С. Н. Милютинъ, и 7) «Христосъ на Голгоѣѣ и Воскресшій», іером. Михаилъ (последнія два чтенія—въ теченіе одного вечера).

Въ перерывахъ между отдѣлами чтеній хоръ слѣпыхъ исполнялъ духовныя пѣснопѣнія. Это участіе хора, равно какъ и расходы по публикаціямъ о чтеніяхъ, выдвинули вопросъ объ источникахъ средствъ на устройство чтеній. И хотя по идеѣ чтенія должны быть бесплатными и въ денежныхъ сборахъ никто не былъ заинтересованъ, но вышеуказанные расходы заставили назначить маленькую плату за входъ на чтенія (отъ 20 до 50 коп.); исключеніе было сдѣлано для учащихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которымъ выдавались бесплатные билеты. Помѣщеніе для чтеній было

любезно предложено (бесплатно) городскимъ управленіемъ въ залѣ городской думы.

На всѣ 6 чтеній продано 1050 билетовъ и выдано безплатныхъ 790. Такимъ образомъ, среднимъ числомъ на каждое чтеніе приходится около 300 слушателей. Эта довольно значительная аудиторія въ теченіе первыхъ чтеній была весьма разнохарактерна, насчитывая въ своемъ составѣ не мало лицъ съ низшимъ образовательнымъ цензомъ. Но научный характеръ чтеній привелъ къ тому, что слѣдующія чтенія уже не привлекали простонародья и, напротивъ, увеличили притокъ интеллигенціи. Какъ лицу, принимавшему участіе въ чтеніяхъ, мнѣ неудобно останавливаться на ихъ характеристикѣ. Но какъ наблюдателю, присматривавшемуся къ аудиторіи въ теченіе 6 вечеровъ, позволено высказать нѣкоторыя соображенія о томъ, каковы должны быть эти чтенія, чтобы ими интересовались слушатели и чтобы ихъ посѣщало многолюдное общество.

IV.

На устройство всякихъ вообще чтеній, въ томъ числѣ и религіозныхъ, существуютъ три точки зрѣнія: чтенія или служатъ здоровымъ развлеченіемъ, или отвѣчаютъ запросамъ религіознаго чувства, или преслѣдуютъ научныя цѣли. Изъ этихъ точекъ зрѣнія мы пока оставимъ въ сторонѣ третью, такъ какъ она можетъ быть удѣломъ меньшинства. Аудиторія въ 300 слушателей, собирающаяся разъ въ недѣлю, и именно въ день отдыха, въ преобладающемъ большинствѣ не можетъ руководиться чисто научными цѣлями. Она ждетъ отъ чтеній или хорошаго, здороваго развлечения, или отвѣта на тѣ вопросы и сомнѣнія, которые неизбѣжны для каждого живого человѣка, но отвѣта живого и не утомляющаго вниманія. Законны ли эти требованія? Устроители упомянутыхъ чтеній

признали ихъ законными и потому пригласили на нихъ лучшей Воронежскій хоръ. И нужно сознаться, что въ числѣ посѣтителей были и такіе, которыхъ этотъ хоръ интересовалъ даже больше, чѣмъ самыя чтенія. Сожалѣть ли объ этомъ? Нѣтъ, это было бы слишкомъ ригористично, но не вполне справедливо. Проповѣдники религіи подмѣчали эту черту своихъ слушателей и не пренебрегали, а пользовались ею въ своихъ религіозныхъ видахъ. Въ періодъ Судей, при общей распатанности вѣры и нравовъ, «совмы учениковъ пророческихъ» привлекали толпу ко вниманію и заставляли ее слушать чтеніе «закона», прежде всего услаждая ее музыкой и пѣніемъ. И каждый искусный проповѣдникъ, заставляющій разнородную толпу слушать себя, въ той или иной формѣ пользуется этимъ же средствомъ: если онъ не играетъ на музыкальномъ инструментѣ, то захватываетъ толпу красивыми и выразительными модуляціями своего проповѣдническаго голоса, или очаровываетъ его художественными картинками и искусными оборотами рѣчи. Напротивъ, рѣчь ровная, но вялая, и мысль логически стройная, но отвлеченная, — пропадаютъ для толпы. Слѣдовательно, если мы имѣемъ предъ собою большую аудиторію, то должны считаться и съ ея настроеніемъ и даже съ ея запросомъ развлеченія. Чтобы послѣдняя мысль не казалась соблазнительною, я укажу на св. Василія Великаго. Кто читалъ его «Шестодневъ», тотъ помнитъ, что эти «бесѣды» вовсе не похожи на обычныя проповѣди. Нѣтъ, это именно такія богословскія чтенія, о которыхъ я только что говорилъ: въ нихъ мы встрѣчаемъ своего рода курсъ естественной исторіи, съ самыми небогословскими подробностями, съ живыми разсказами, съ яркими картинками. Самъ св. отецъ ясно сознавалъ этотъ характеръ своихъ «бесѣдъ» и не боялся указывать ихъ смыслъ своимъ слушателямъ. Сказавши о томъ, что его

рѣчь продолжается долго, онъ однако не находитъ въ этомъ вреда. «Если ты любитель наслажденій и удовольствій, вотъ тебѣ слова Божія, для человѣка здраваго духовнымъ чувствомъ, *слаждша паче меда и сота* (Псал. 18, 11). Если позволю вамъ итти и распущу собраніе; ины пойдутъ играть въ зернь. Тамъ клятвы, упорныя споры и мученія корыстолюбія. Тамъ стоитъ демонъ, посредствомъ костей съ точками воспаляетъ бѣшенство; однѣ и тѣже деньги переводить и на ту, и на другую сторону, то одного возносить побѣдой, а другого погружаетъ въ уныніе, то наоборотъ, послѣдняго дѣлаетъ гордымъ, а перваго покрываетъ стыдомъ. А кто, хотя не играетъ въ зернь, однакоже время проводить въ праздности, тотъ чего не скажетъ пустого, какихъ не услышитъ нелицестей? Итакъ въ сказанномъ мною найдется, можетъ быть, нѣчто и полезное; а если нѣтъ, то по крайней мѣрѣ та выгода, что, проводя время здѣсь, вы не грѣшите; а потому удерживать васъ долѣе значитъ на большее время отводить васъ отъ грѣховъ» (Бесѣда 8. Творенія (1900), ч. I, стр. 135—136). Такъ говоритъ св. отецъ, при другихъ обстоятельствахъ склонный къ самому отвлеченному богословствованію. Но въ данномъ случаѣ онъ хорошо понималъ свою аудиторію, входилъ въ ея настроеніе и умственный уровень, и умѣлъ дать слушателямъ удобоваримую и пріятную духовную пищу. И всегда богословіе для мірянина, не развившаго еще въ себѣ вкуса къ отвлеченной работѣ мысли, доступно въ популярной и по возможности образной формѣ. Бстати, замѣчаніе св. отца о томъ, что если слушатели уйдутъ отъ него, то попадутъ на развлеченіе другого рода,—это замѣчаніе особенно слѣдуетъ помнить. Первый опытъ съ богословскими чтеніями въ Воронежѣ обнаружилъ, что наибольшее количество посѣтителей насчитывали 1, 3 и 6 чтенія, т. е. въ недѣлю православія, крестоповлонную

и вербное воскресеніе, когда не было никакихъ иныхъ развлеченій, въ родѣ драмы, оперы и концертовъ. Здѣсь есть надъ чѣмъ задуматься, и если мы хотимъ, чтобы это дѣло развивалось, то должны позаботиться о томъ, чтобы чтенія могли соперничать со всевозможными публичными вечерами не только пользою, но и здоровымъ удовольствіемъ. А для послѣдняго желательно и на будущее время обставлять чтенія вокальными и музыкальными піесами (хорошо бы поучиться нашимъ хормейстерамъ вкусу у г. Архангельскаго, дающаго концерты въ Петербургѣ). Прежде же всего необходимо, чтобы самыя чтенія, помимо интереса темы и программы, отличались конкретнымъ и по возможности картиннымъ изложеніемъ.

Намъ приходилось не разъ слышать отъ лицъ, горячо преданныхъ церкви, замѣчаніе, что богословское сочиненіе не должно спускаться съ высоты: оно можетъ опираться только на св. Писаніе и творенія свв. отцовъ, иная постановка дѣла, со ссылками на свѣтскихъ писателей, съ характеристикой современности, профанируетъ богословскую науку. Такой взглядъ намъ представляется ригористичнымъ и вреднымъ для дѣла. Его непригодность уже доказана печальнымъ опытомъ. Отчужденность отъ жизни, боязнь считаться съ «мірскою» литературой заставляли богослововъ витать въ отвлеченныхъ сферахъ и постепенно создали совершенно особый изыбъ для богословской науки, отвлеченный, мало понятный для мірянъ. Отчасти этимъ, быть можетъ, объясняется какая то боязнь предъ богословской книгой, которую часто обнаруживаютъ свѣтскіе люди. Конечно, было бы легкомысленно богослову *доказывать* богословскія положенія ссылками не на св. Писаніе, а на какого-нибудь свѣтскаго писателя; но вполне законно выяснить доказанное богословское положеніе на художественномъ образѣ, взятомъ изъ свѣтскаго

сочиненія. Св. отцы въ этомъ отношеніи поступали вполнѣ свободно, пользуясь всѣмъ, что находили полезнаго и въ современной имъ естественной наукѣ, и въ философіи, и въ изящной словесности. Однако этимъ они не роняли своихъ «бесѣдъ», а дѣлали ихъ не только интересными, но и приятными. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ принять это во вниманіе въ настоящее время, когда имена свѣтскихъ писателей не сходятъ съ устъ полунителлигентной массы.

V.

До сихъ поръ рѣчь шла о двухъ первыхъ точкахъ зрѣнія на цѣли чтеній. Однако было бы грубой ошибкой пренебрегать третьей точкой зрѣнія, т. е. требованіемъ отъ чтеній научности. Правда, требованіе научности чтеній можетъ быть предъявлено незначительнымъ меньшинствомъ слушателей. Такъ, на нашъ взглядъ, изъ числа 300 посѣтителей каждаго чтенія научныя требованія могли предъявить не болѣе 50 лицъ. Однако запросы этого меньшинства законны едва ли не болѣе, чѣмъ преобладающаго большинства. Если большинство находитъ въ чтеніяхъ удовлетвореніе своему религіозному чувству, въ общемъ уравновѣшенному спокойной вѣрой, то меньшинство хочетъ посредствомъ чтеній разрѣшить нѣкоторые мучительные для нихъ вопросы вѣры или же найти солидное обоснованіе для положительной вѣры, чтобы потомъ не только дать отпоръ совопросникамъ, но и помочь другимъ, мятущимся умамъ. Кромѣ того, это меньшинство быстро могло бы увеличиться, еслибы чтенія всегда выдерживали научную постановку. Поэтому слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы популяризація чтеній не граничила съ ихъ азбучнымъ характеромъ, не переходила въ простонародность. Но какъ этого достигнуть? Какъ дать *одну* духовную пищу аудиторіи, въ которой сидятъ слушатели съ самыми разнородными умствен-

ными запросами? Въ отвѣтъ на это опять слѣдуетъ указать на новое Петербургское религіозно-философское общество. Его засѣданія — не публичныя, а закрытыя: на нихъ допускаются слушатели по рекомендаціи небольшого кружка дѣйствительныхъ членовъ. На засѣданіяхъ постановка дѣла научная и свободная: здѣсь не только читаютъ, но и обсуждаютъ разные богословскіе вопросы. И такъ какъ посѣтители съ высшимъ образовательнымъ цензомъ или съ солиднымъ «домашнимъ» образованіемъ, и такъ какъ они допускаются на собранія по рекомендаціи членовъ, то неприятныхъ осложнений отсюда быть не можетъ. Бесѣды носятъ академическій характеръ и не только способствуютъ живому обмѣну мнѣній, но и служатъ могучимъ средствомъ къ проведенію въ свѣтское общество научныхъ богословскихъ знаній. Вотъ объ устройствѣ подобнаго общества и слѣдуетъ подумать у насъ въ Воронежѣ. Конечно, у насъ нѣтъ такихъ силъ ни въ свѣтскомъ, ни въ духовномъ обществѣ, какъ въ столицѣ. Но вѣдь у насъ и вообще масштабъ жизни иной, чѣмъ въ Петербургѣ, и потому этого стѣсняться не нужно. Важно то, что у насъ подобное общество было бы не искусственнымъ дѣломъ, а вызывалось бы самою жизнью: ячейка для него уже есть въ томъ самомъ кружкѣ, о которомъ я упомянулъ выше. Да и въ какой-нибудь сложной внѣшней организаціи оно не нуждается, если состоитъ не изъ «дѣйствительныхъ членовъ», а изъ лицъ живо преданныхъ дѣлу сознательной вѣры. Эти лица, находя удовлетвореніе своимъ научнымъ запросамъ на закрытыхъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы подѣлиться съ референтами своими соображеніями о томъ, въ какомъ объемѣ и въ какой формѣ можно было бы предложить рефератъ для открытаго богословскаго чтенія. Такимъ образомъ могла бы явиться вполнѣ естественно не только критика, но и взаимная цензура богословскихъ чтеній, кото-

рыя послѣ того предлагались бы для большой публики въ такой формѣ, которая совместила бы два основныхъ требованія—научности и популярности.

VI.

Но пойдеть ли на эти собранія та интеллигенція, которая разорвала живое общеніе съ церковью и относится къ богословской мысли въ церковномъ направленіи отрицательно? Этотъ вопросъ смущаетъ многихъ. Опытъ съ минувшими чтеніями подтвердилъ существованіе такого взгляда на дѣло со стороны лицъ преданныхъ церкви. «Удадутся ли чтенія»? «Пойдеть ли на нихъ интеллигенція»? «Не сконфузимъ ли мы и себя и самый престижъ богословія, если наша аудиторія будетъ пустовать»? Когда затѣмъ начались чтенія, то, предъ началомъ каждаго изъ нихъ намъ приходилось слышать со стороны многихъ лицъ боязливые вопросы: «продаются ли билеты»? и тревожныя справки: «почему такъ мало расклеено афишъ»? «почему нѣтъ объявленій въ мѣстныхъ газетахъ» (о первыхъ чтеніяхъ)? Понятенъ смыслъ этихъ вопросовъ: въ нихъ опять связывается боязнь, какъ бы не провалилось дѣло. А устроители какъ—разъ оказались неопытными въ дѣлѣ рекламы и тѣмъ возбуждали справедливое неудовольствіе со стороны боязливыхъ.

Несмотря на это, аудиторія оказывалась довольно многочисленною,—знакъ, что интересъ къ чтеніямъ есть въ нашемъ обществѣ. Но каковъ составъ этой аудиторіи? Раньше я упомянулъ объ ея умственномъ и образовательномъ уровнѣ, но не сказалъ, каково въ общемъ отношеніе аудиторіи къ церкви и богословію. Конечно, рѣшительно судить объ этомъ нельзя, но позволительно высказать личное мнѣніе: подавляющее большинство слушателей—церковнаго направленія. Значить, чтенія не удались, если привлекли не тѣхъ, кого

думалось привлечь ими? Далеко нѣтъ. Было бы дѣтски наивно думать, чтобы на эти первыя чтенія пошла та интеллигенція, которая враждебно относится къ церкви. «Дѣло вѣковъ измѣнять не легко». Разладъ между церковью и образованнымъ обществомъ образовался не въ минувшемъ году, отчужденіе общества отъ церкви создано цѣлымъ рядомъ преемственныхъ поколѣній, и потому сломить это отчужденіе можно только терпѣливою и спокойною продолжительной работой всѣхъ преданныхъ церкви лицъ. Поэтому насъ несколько не удивляетъ даже то, что на чтенія являлись образованные не—христіане, а образованные «христіане» изъ интеллигенціи приходили въ незначительномъ количествѣ. Помимо застарѣлаго предубѣжденія противъ «поповской науки», многимъ не достаетъ даже своего рода гражданскаго мужества, чтобы явиться на богословскія чтенія. «Какъ посмотреть на меня тамъ сидящіе «церковники», а главное какими глазами я буду смотреть на «своихъ»? Воздержимся отъ осужденія. Защитники свободы совѣсти изъ интеллигенціи часто обнаруживаютъ такую заскорую нетерпимость, которая дѣлаетъ человека изгнанникомъ изъ общества и выбиваетъ его изъ привычной колеи. Прошлогодній примѣръ съ г. Мережковскимъ, осмѣяннымъ и оплеваннымъ «либеральнымъ» обществомъ за то только, что осмѣлился согласиться съ церковнымъ мнѣніемъ (что Л. Толстой—не христіанинъ),—служитъ яркой иллюстраціей этого печальнаго явленія. У насъ вѣтъ Мережковскихъ, но «либеральное» общество держится и у насъ тѣхъ же «традицій» по отношенію къ своимъ «ренегатамъ». Опять съ этимъ явленіемъ нужно долго бороться посредствомъ спокойной работы надъ положительнымъ и научнымъ раскрытіемъ христіанскаго міросозерцанія. Если организаторы богословскихъ чтеній или богословскаго общества съумѣютъ поставить дѣло солидно и съ спокойной увѣренностью могутъ сказать

всякому, даже и враждебно настроенному, къ церкви: «приди и виждь», — они сдѣлаютъ свое дѣло, а прочее во власти Божіей.

Но еслибы на чтенія и совѣтъ не являлась интеллигенція, отрицающая «поповскую науку», — и тогда дѣло не было бы потеряно. Намъ кажется, что не правиленъ самый взглядъ на чтенія, какъ — прежде всего — на средство какой то миссіонерской борьбы съ невѣрующей интеллигенціей. Задачи богословскихъ чтеній, равно какъ и могущаго изъ нихъ возникнуть богословскаго общества, — прежде всего положительныя, а не полемическія. Они устроются прежде всего для сторонниковъ церковнаго вѣросознанія, и это вужно помнить. Но есть ли нужда въ этомъ, если на чтенія будутъ являться только «свои»? Есть и очень большая. Покойный архіепископъ Амвросій, совѣтуя сторонникамъ православія организоваться въ кружки, думалъ этимъ уничтожить одно странное явленіе русской церковно-общественной жизни: православные дѣйствуютъ вразбродъ. Достаточно для этого припомнить исторію съ отлученіемъ отъ церкви Л. Толстого. Въ то время, какъ отщепенцы отъ церкви дѣйствовали солидарно и, даже при цензурныхъ стѣсненіяхъ, умѣли рѣзко выразить свой протестъ противъ церкви, что дѣлали сторонники церковнаго вѣросознанія? (Разумѣемъ образованныхъ людей) Они въ подавляющемъ большинствѣ молчали или же высказывали свое сочувствіе церкви въ одиночку. Въ то время какъ Л. Толстому присылались *коллективные* адреса и привѣтствія, было ли сдѣлано что-либо подобное со стороны приверженцевъ церкви по отношенію къ Св. Синоду? И это общее явленіе: намъ, церковнымъ людямъ, не хватаетъ живого взаимнаго единенія. А это громадный изъянъ. Жить въ одиночку весьма трудно даже человѣку, горячо преданному своимъ убѣжденіямъ. А сколько слабыхъ и колеблющихся, которые уходятъ изъ церкви, не нашедши поддержки въ своихъ сомнѣніяхъ и соблазнившись тѣмъ, что «всѣ» противъ церкви?

Нужно ли послѣ этого распространяться о томъ, какое громадное значеніе для православныхъ можетъ имѣть солидная организація богословскихъ чтевій и устройство богословскаго общества? Видѣть полный залъ однихъ «своихъ», слушающихъ спокойную, увѣренную рѣчь лектора, находить откликъ своимъ мнѣніямъ по поводу прочитаннаго, — это важнѣе всякой, даже самой остроумной полемики противъ невѣрія и невѣрующихъ. А еслибы при этомъ оказался возможнымъ — въ закрытыхъ засѣданіяхъ — живой обменъ мнѣній, то это имѣло бы громадные практическія послѣдствія. Въ настоящее время большинство проповѣдниковъ говоритъ въ своихъ проповѣдяхъ о томъ, что съ ихъ точки зрѣнія важно и нужно. Но такъ какъ аудиторія безмолвствуетъ, то проповѣдникъ не можетъ поручиться за то, что важное съ его точки зрѣнія дѣйствительно нужно для его слушателей. Привычка къ монологической рѣчи часто дѣлаетъ ее отвлеченною, непримѣною для данной среды. Поэтому то слушатели, даже внимательные, остаются равнодушными къ рѣчи проповѣдника. Обменъ мнѣній, немыслимый въ храмѣ и неудобный на публичныхъ собраніяхъ, волюнѣ умѣстенъ въ собраніяхъ закрытыхъ. Онъ лучше всего можетъ раскрыть дѣтелямъ церковнымъ, что волнуетъ мірянъ и на что особенно должна направляться энергія и пастырей и ревнителѣй православія изъ свѣтскихъ. Кромѣ того, эта дѣятельность, будучи организована цѣлымъ обществомъ, поселить въ дѣтеляхъ бодрую увѣренность въ успѣхъ дѣла.

П. Никольскій.

Типы православнаго духовенства въ русской свѣтской литературѣ 1899—1901 гг.

Въ нашей свѣтской литературѣ 1900 и 1901 годовъ разбросано въ разныхъ мѣстахъ не мало типовъ духовенства —

частью въ разсказахъ, посвященныхъ спеціально быту духовенства, но большею частью выведенныхъ мимоходомъ въ различныхъ романахъ и повѣстяхъ. Встрѣчаются здѣсь и типы положительные, рисующіе достойныхъ священнослужителей, но не скроемъ, нѣтъ недостатка и въ типахъ отрицательно-карикатурныхъ, изображеніе которыхъ, какъ и въ прежнее время, взяли себѣ прямо спеціальною нѣкоторые писатели. Мы рассмотримъ сначала первые, а потомъ коснемся и послѣднихъ.

Въ романѣ графа Салиаса „Змѣй-Горынычъ“ („Село Уютное“) выведенъ старикъ священникъ отецъ Іоаннъ. Отецъ Іоаннъ—кроткій, любвеобильный и совершенно нестяжательный человѣкъ. Потерпѣвъ не одно крушеніе въ семейной жизни, потерявъ жену и дѣтей, кромѣ одного лишь сына, подверженнаго запою, старикъ не только не озлобился, не ожесточился, не очерствѣлъ сердцемъ, но ставъ кротокъ, какъ дитя, весь предался Богу и только въ молитвѣ находить себѣ утѣшеніе. Онъ бы давно ушелъ въ монастырь, если бы не бѣдные родные, а главнымъ образомъ оставшаяся на его попеченіи малолѣтняя сиротка внучка.

Богатый кабатчикъ, гордый, крутой и злой старикъ, желаетъ женить сына на избранной имъ богатой же невѣстѣ, а сыну нравится другая. Кабатчикъ приходитъ къ отцу Іоанну, чтобы тотъ убѣдилъ его сына. Но отецъ Іоаннъ прямо заявляетъ ему, что принуждать сына грѣхъ и что лучше всего предоставить ему жевиться на той дѣвушкѣ, которая ему нравится, тѣмъ болѣе что она хорошая дѣвушка. Такой совѣтъ кабатчику сильно не нравится, и онъ съ крайнимъ презрѣніемъ говоритъ объ отцѣ Іоаннѣ:

— „Эхъ, вы, люди, люди, чудно разсуждаете! Сказалъ вамъ кто-то: святой человѣкъ! Вотъ вы и повторяете. Ну, какой же отецъ Іоаннъ святой? Нешто этакіе святые должны быть? Онъ, попросту сказать, дуракъ!... Хоть и добрый человѣкъ. Приходи большой. Будь онъ уменъ, было бы у него что-нибудь

за душой. А вѣдь у него, поди, алтына нѣтъ... на хлѣбѣ да на водѣ сидитъ. Святостью тоже не проживешь по нашему времени“...

Въ романѣ г. Апраксина „Князь Черновскій“ („Новый Миръ“ 1901 г.) выведены мимоходомъ два священника—отецъ Іоаннъ и отецъ Серафимъ, служащіе вмѣстѣ, въ большемъ селѣ. Старшій, отецъ Іоаннъ—вполнѣ почтенный, умный, добрый и деликатный старецъ. „Наружностью онъ напоминаетъ древнихъ патріарховъ. Бѣлыя, совершенно серебряныя, безъ желтизны, длинные волосы и такая же вьющаяся борода, болѣе темныя и нѣсколько нависшія густыя брови надъ чистыми, свѣтлыми, выражавшими доброту, глазами,—такъ и просились на портретъ. Сама священническая ряса подходила ко всей его благообразной фигурѣ, а красивую старческую голову даже и съ одной всего встрѣчи нельзя было забыть; казалось, ее приходилось уже видѣть на какой либо хорошей картинѣ изъ Священнаго Писанія—до такой степени лицо отца Іоанна просилось на полотно... „Замѣчательный священникъ,—отзывается о немъ мѣстный становой.—Глубокое къ себѣ уваженіе умѣетъ вселить“. И все въ домѣ отца Іоанна производило на сторонняго посѣтителя чудное впечатлѣніе. Ему казалось, что онъ взошелъ въ большую монастырскую келью почтеннаго монаха, отца казначея или даже игумена. По крашенымъ поламъ, содержимымъ въ удивительной чистотѣ, точно лакированнымъ и даже отражавшимъ ножки стульевъ, вились пеньковыя дорожки. Тишина въ домѣ была именно монастырская, и только въ первой комнатѣ равномерно, медленно и какъ-то необычайно густо звучалъ маятникъ большихъ часовъ, стоявшихъ здѣсь въ узкомъ шкапикѣ съ стеклянной дверцей. По окнамъ стояло много цвѣтовъ, а стулья, шкапъ, зеркало и два стола были до того тщательно перетерты, что нигдѣ не было видно пылинки. Привѣтливо встрѣчаетъ отецъ Іоаннъ свѣтскаго гостя, радушно угощаетъ его и производитъ на него вообще самое лучшее впечатлѣ-

ніе.—Другой священникъ изображенъ уже не въ столь симпатичныхъ чертахъ.

Въ разсказѣ г. Гусева-Оренбургскаго „Первые шаги“, („Эпизодъ изъ жизни священника“) — разсказѣ напоминающемъ собою извѣстный разсказъ г. Потапенко „На дѣйствительной службѣ“, — выведенъ священникъ, о. Лука Израильскій, который всѣми силами своей души желаетъ послужить народу, но, благодаря своей непрактичности, терпитъ одну неудачу за другою.

„О. Лука Израильскій—такъ начинается разсказъ—прѣхавъ первый разъ на приходъ, почувствовалъ большое смущеніе. Гдѣ та идиллія деревенскаго существованія, о которой онъ мечталъ въ семинаріи? Гдѣ та мирная, простая жизнь среди простыхъ людей, какую онъ думалъ найти въ деревнѣ? Послѣ долгихъ наивныхъ ученическихъ мечтаній, онъ сталъ лицомъ къ лицу съ практическою жизнью, — и она поразила его!... Она увлекла его въ водоворотъ такихъ отношеній, такихъ впечатлѣній, что иллюзіи его быстро разлетѣлись одна за другой, какъ пожелтѣвшія листья. Мечтательную натуру его охватилъ страхъ предъ великостью принятыхъ на себя обязанностей. Родившись и воспитавшись въ городѣ, онъ зналъ деревню только по книгамъ... Деревня рисовалась ему въ ореолѣ поэзіи. На дѣлѣ онъ увидѣлъ другое, о чемъ почти и не подозрѣвалъ. Судьба забросила его почти въ самую глушь степей, въ одинъ изъ тѣхъ бѣдныхъ приходоѡ, которые между священниками считаются за „ссылку“. Здѣсь то среди крестьянъ онъ увидалъ вужду, готовую умереть со вздохомъ облегченія, узналъ такую холодную, голодную нищету, которая привела его въ ужасъ, въ трепеть. Онъ скоро постигъ всѣ недостатки и недочеты деревенской жизни, всю дикость и заброшенность глухого мужичьяго существованія. Тогда его живую натуру охватило стремленіе къ практической дѣятельности. Онъ не могъ, по самому характеру своему, подвижному и увлекающемуся, ограничиться ролью наставника и про-

повѣдника, — ему всюду хотѣлось принести непосредственную, практическую пользу. Ему и бѣднотѣ захотѣлось помочь, и всякой иной отсталости и заброшенности мужичьей. Но тутъ-то и охватило его чувство мучительной беспомощности, когда онъ понялъ свою собственную неумѣлость и непрактичность...

Тогда онъ сталъ учиться. Кое-какъ сколачивая деньги, сталъ онъ выписывать популярныя книжки по хозяйству, по законамъ, по полеводству, огородничеству, газеты, календари. Падая на почву полной непрактичности, сѣмена этихъ книгъ разрастались въ обширныя замыслы. Ему хотѣлось научить мужиковъ улучшенному хозяйству, устройству несгораемыхъ глинобитныхъ построекъ, учредить среди нихъ товарищества. Прочитавъ уставъ о сельскихъ банкахъ, онъ долго увлекался идеей основать такой банкъ въ своемъ приходѣ. Мечталъ объ устройствѣ артельной мельницы съ керосиновымъ двигателемъ. Онъ горячо развивалъ свои планы предъ приходившими къ нему крестьянами. Но на дѣлѣ для всякаго изъ его предпріятій вставало столько препятствій, что онъ не могъ, не умѣлъ ихъ обойти и сознавалъ, что берется не за свое дѣло и только показываетъ передъ всѣми свою непрактичность. Не докончивъ одного, онъ увлекался чѣмъ нибудь другимъ, что считалъ болѣе легкимъ и исполнимымъ; но почти во всѣхъ своихъ начинаніяхъ терпѣлъ неудачи“.

Такія неудачи потерпѣлъ онъ въ своихъ хлопотахъ о школѣ, въ введеніи раціональнаго хозяйства и т. п. Жена открыто не сочувствуетъ ему, смѣется надъ нимъ и бранитъ его за его „затѣи“. Но о. Лука не смущается и не приходитъ въ уныніе. Достаетъ онъ какъ-то народный лѣчебникъ и тотчасъ же начинаетъ увлекаться мыслью о лѣченіи народа, — приобрѣтаетъ нѣкоторыя лѣкарства и усиленно мечтаетъ о томъ, какъ бы скопить шестьдесятъ или хоть сорокъ или даже хоть тридцать-пять рублей для покупки домашней аптечки. Въ виду перваго опыта онъ даже начинаетъ лѣчить одну старуху. Но неудача и тутъ преслѣдуетъ его: старуха

умираетъ, а недруги о. Луки, во главѣ съ волостнымъ писаремъ, распускаютъ по селу слухи, что старуха померла отъ батюшкина снадобья. Матушка открыто насмѣхается надъ о. Лукой. О. Лука, наконецъ, выходитъ изъ себя.

„Стыдно! Стыдно!! остановился онъ передъ женою, весь трепеща. Тебѣ стыдно, Валя!.. Непростительно стыдно! Ты училась... ты читала. Неужели ты не мечтала никогда? Неужели у тебя сердце умерло смолоду, очерствѣло?.. Неужели въ грошѣ мѣдномъ, да въ удобствахъ только и видишь ты смыслъ жизни?.. О Валя!.. Стыдно! Пусть я непрактиченъ, пусть смѣшно у меня иногда выходитъ, наивно... Да вѣдь я отъ чистаго сердца пользу людямъ принести хочу. Понимаешь?.. Пользу. Зачѣмъ иначе жить? Я хочу живую душу въ себѣ сохранить, чтобы въ душѣ моей искра Божія не погасла... Понимаешь?.. А ты!.. Ты тянешь меня въ тину, въ пошлость, въ грязь житейскую“...

Матушка смущается отъ этой горячей рѣчи и проситъ у о. Луки извиненія, а о. Лука снова оживаетъ.

Послушай, Валя, говоритъ онъ женѣ.—Да въ чемъ же дѣло? Изъ за чего это малодушіе! Все это ты меня разстроила!.. Вотъ она, непрактичность-то!.. При первой же неудачѣ и голову терять!.. Эхъ, характериска скверный!.. А все это вздоръ!.. Не понимаютъ еще меня мужики, вотъ и вѣрятъ всякой силетиѣ, какую про поца какой-нибудь завистливый писаришка распускаетъ... Но поймутъ они меня, Валя, поймутъ... Я добьюсь этого!.. О, впереди еще цѣлая жизнь, а на первыхъ порахъ всегда шиши да терны бываютъ... Учиться буду,—воспитаю себя... Мнѣ бы вотъ самому надо было старуху провѣдать, да самому ей лѣкарства дать, да наблюсти, чтобы всякой дряни не давали... Ну, да я не отступлю! Я теперь знаю, что мнѣ надо дѣлать, знаю!..

И, остановившись передъ женою съ восторженнымъ лицомъ и горящимъ взоромъ, онъ повторилъ:

„Понимаешь, Валя?.. Знаю“!..

Этими строками кончается рассказъ.

Въ разсказѣ извѣстнаго писателя П. М. Невѣжина „Врачи“, помѣщенномъ въ одномъ изъ приложений къ газетѣ Новости дня за 1900 годъ, выведенъ сельскій священникъ о. Антоній, сумѣвшій помирить двухъ гордыхъ братьевъ помѣщиковъ, смертельно поссорившихся при дѣлѣхъ отцовскаго имѣнія.

„О. Антоній былъ любимцемъ своего прихода. Онъ не былъ вдохновеннымъ проповѣдникомъ, не былъ однимъ изъ представителей новаго духовенства, которое держитъ себя нѣсколько враждебно и гуманно, не былъ борцомъ за новыя вѣянія. У о. Антонія было одно громадное достоинство—необыкновенная искренность и трезвое отношеніе ко всякому случаю. Его совѣты цѣнились крестьянами на вѣсь золота, потому что исходили изъ глубокаго знанія жизни“. Услышавъ о ссорѣ братьевъ, онъ является въ помѣщичій домъ и обращается къ враждующимъ съ смѣлымъ увѣщательнымъ словомъ. Смѣлость эта нѣсколько озадачиваетъ братьевъ и смягчаетъ грубость, съ какою встрѣтили было они священника, но все-таки о. Антоній на этотъ разъ не добивается ничего. Но онъ не унываетъ и, послѣ тщетныхъ попытокъ уговорить братьевъ порознь, достигаетъ все-таки примиренія ихъ искреннимъ и горячимъ словомъ, сказаннымъ въ церкви послѣ пасхальной заутрени. Братья мирятся тутъ-же, въ церкви.

„Смотря на это многіе плакали, и по мужественному лицу о. Антонія покатились слеза. Онъ переживалъ ту счастливую минуту, когда сознавалъ, что именемъ Бога воскресилъ духовный миръ двухъ заблудшихъ овецъ“...

Весьма интересные и съ большимъ чувствомъ и задушевностью обрисованные, взятые изъ дѣйствительности, типы духовенства выведены въ очеркахъ г. Елпатевскаго „Разсказы о прошломъ“ (Русская мысль Мартъ 1901 г.).

Вотъ, наприм., какъ здѣсь, въ главѣ подъ заглавіемъ „Отецъ“, изображается одинъ сельскій дьяконъ:

Отецъ былъ высокаго роста, съ могучими плечами... ходившій немного сгорбившись, съ густыми черными волосами и заросшей все лицо огромной темнорыжей бородой. Я помню его съ косою въ рукѣ, съ тяжелымъ цѣпомъ, который онъ сдѣлалъ нарочно для себя, помню его въ церкви, помню сидящимъ за столомъ въ ожиданіи обѣда, съ задумчивыми глазами, углубленнымъ въ свои мысли, и всегда на лицѣ его лежало одно и то же выраженіе—забота.

Отецъ былъ дьякономъ на дьяческой вакансіи, т. е. получалъ доходы какъ дьячекъ. Ихъ было мало, этихъ доходовъ. Три руб. за свадьбу, десять коп. за годичное поминовеніе усопшихъ, три коп. молебень, столько же за панихиду, аналогичная плата за другія требы,—вотъ и всѣ денежные доходы. Остальное собиралось рожью и овсомъ, короваями хлѣба на первой недѣлѣ поста, яйцами на Пасхѣ. А приходы въ нашихъ мѣстахъ были маленькіе.

Попробовалъ было нашъ священникъ увеличить плату за требы, но по приходу пошелъ шумъ, и пріѣхавшій благочинный посовѣтовалъ батюшкѣ оставить все какъ было.

Главный доходъ духовенство получало отъ земли, оттуда же, откуда и крестьяне, а жить ему приходилось не какъ крестьянину и не по крестьянски вести дѣтей. Расходовать нужно было, и на расходъ нужны были именно деньги. Подросли дѣти, росли и расходы. Старшій братъ учился въ семинаріи и жилъ на вольной квартирѣ, за которую нужно было платить; въ двери стучалась мода—и кринолины, и ба-режевыя платья, и полусапожки, и бархотки, и сѣтки на голову. Какъ ни скромно все это дѣлалось, на все это нужны были деньги, и все это нужно было дѣлать, чтобы не отстать отъ другихъ, не осрамить старшую сестру, которая вотъ-вотъ въ невѣсты выйдетъ. Росла и забота. Нужно было думать о приданномъ... поговаривали объ отправкѣ меня въ духовное училище, а тамъ росли еще другіе дѣти...

Нужно было работать не покладая рукъ, самому пахать

и косить (это же дѣлала и старшая дочь невѣста, которая тоже косила и вдобавокъ босикомъ, а остальные помогали убирать), приарендовать луговъ у помѣщика, чтобы выкормить скоть и продать осенью; нужно было работать всей семьѣ, чтобы за пасться на годъ всѣмъ, что нужно для дома.

И вѣчно словно смутное предчувствіе какого-то большого несчастья висѣло надъ отцомъ. Уберемся ли засухо съ сѣномъ, не обсыплутся ли рожь и овесъ, пошлетъ ли Богъ дождишекъ для озимой, не объявился бы моръ на скоть. Выпадетъ жаркое лѣто, пойдетъ гулять красный пѣтухъ по деревнямъ,—и намаявшійся за день отецъ два—три раза встаетъ и обходитъ кругомъ дворъ и сарай, посмотрѣть, нѣтъ-ли чего подозрительнаго, не пахнетъ ли гарью. Надвинется грозная, темная туча,—зажгутъ передъ образами богоявленскую свѣчу, и вся семья на колѣняхъ начнетъ молиться Богу, чтобы мимо пронесъ гнѣвъ Свой... О, не смерти боялся отецъ!.. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ,—Его святая воля,—сердце отца сжималось отъ мысли, что молнія ударить въ амбаръ съ хлѣбомъ, какъ разъ и случилось; что градъ пройдетъ по полю и въ пять минутъ исковеркаетъ и смѣшаетъ съ землею посѣвающую рожь...

И такъ легко было разорить это большое хозяйство, какъ и всякое безденежное крестьянское хозяйство, покоившееся на могучихъ, не знавшихъ отдыха, мускулахъ отца. Заболѣй онъ, сгори домъ, никогда не страховавшійся, случись падежъ скота,—и все рухнетъ и такъ трудно будетъ снова стать на ноги...

Все думаетъ отецъ... Думаетъ и вздыхаетъ. Шумно веселятся гости на праздникахъ, рассказываютъ веселыя исторіи, отъ которыхъ смѣхъ стоитъ въ нашей горницѣ, онъ тоже улыбается—и вдругъ глубоко и трудно вздохнетъ, словно думы его Богъ знаетъ гдѣ, и какъ будто именно въ эту минуту и придетъ ему въ голову какая либо опасная мысль.

Сидитъ онъ одинъ себѣ въ горницѣ,—эти глубокіе, трудные вздохи отца доносятся къ намъ въ кухню.

Только праздники еще нѣсколько оживляли его...

Я не помню чтобы отецъ осуждалъ кого-либо. Должно быть, онъ все смотрѣлъ на себя и, кажется, искренно находилъ, что всё умнѣе и достойнѣе его...

Такъ мало праздниковъ въ жизни отца, и суровые будни наполняли его душу вѣчными заботами и предчувствіемъ всякихъ бѣдъ и вѣчнымъ страхомъ передъ темнымъ будущимъ... Разрѣзывавшій яблоко двумя пальцами, какъ ножицами, носившій бревна, которыя съ усиліемъ поднимали два мужика, припрягавшійся къ лошади, когда приходилось въ осеннюю распутицу вытаскивать тяжелый возъ по грязной глинистой горѣ,—этотъ огромный мускулистый человѣкъ всего и всѣхъ боялся, былъ робокъ какъ ребенокъ... Я не знаю, кого не боялся онъ. Если генеральша Солтухина прислала за нимъ служить обѣдную въ престольный праздникъ въ ея селѣ, онъ робѣлъ и, я увѣренъ, былъ бы радъ отступить отъ того рубля, который онъ получалъ за службу и который по тѣмъ временамъ представлялъ большую сумму, лишь бы не подвергаться опасности, которую онъ вездѣ видѣлъ...

А мать рассказывала—и намъ такъ трудно было вѣрить—что отецъ прежде былъ веселымъ, остроумнымъ человѣкомъ, любилъ собирать компанію... что такимъ онъ женился и такимъ онъ былъ, пока не понесъ на своихъ широкихъ плечахъ тяжелую сельскую ношу!..

Сурова и скудна была жизнь. „И большіе и малые ходили отъ снѣга до снѣга босикомъ, а кожаная обувь надѣвалась только по воскресеньямъ да въ праздники“. Щи да каша, картошка да хлѣбъ—вотъ, въ сущности, и вся ѣда. Осенью кололи телку, къ Рождеству рѣзали борова,—этимъ мясомъ продовольствовались въ продолженіи года, такъ какъ мясо варилось только въ большіе праздники, въ заговѣнье, да для помочей! Хлѣбъ ѣли только черный, да и то съ отрубями, чтобы меньше выходило; пшеничный хлѣбъ пекли только по

большимъ праздникамъ; остальное было въ томъ же родѣ. Мало смѣху и веселья было въ домѣ.

„Кончился рабочій день, уснулъ усталый домъ... Отецъ молится. Чуть теплится лампадка передъ образами, и въ вспыхивающемъ красноватомъ пламени тускло блестятъ потемнѣвшіе серебряные вѣнчики надъ еле видными ликами старинныхъ иконъ, передъ которыми молилось столько поколѣній... Отецъ кладетъ поясные поклоны, касаясь пола концами пальцевъ, и чуть слышно шепчетъ свои вечернія молитвы... Молитва все разгорается, громче и громче становится шопоть, отецъ стоитъ на колѣняхъ и, поднявши голову къ образамъ, съ крѣпко прижатыми ко лбу пальцами громко шепчетъ:

Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя! Услыши мя, Господи!.. Голова касается пола, и слышится напряженный шопоть:

Спаси, Господи, и помилуй!..

И снова заросшее волосами лицо поднимается къ образамъ и такъ громко и напряженно шепчетъ:

Помози... Помози...

Удрученный заботами, вѣчно напуганный человекъ, съ горячей вѣрой простирается ницъ передъ Спасителемъ и говоритъ, что его душа не знаетъ покоя, и сердце полно страха, и плечи его сгибаются подъ тяжкимъ бременемъ жизни, и все шепчетъ:

Помози... Помози“...

Это—отецъ, а вотъ и мать.

Не легче живется и матери. Съ утра до ночи—неугомонная работа, а ночью возня съ маленькими дѣтьми...

„Глаза матери закрыты, голова безпомощно наклоняется то въ ту, то въ другую сторону, на рукахъ спитъ Митя, а нога мѣрно качаетъ зыбку. Тихо скрипитъ оцѣпъ, мигаетъ лампадка, а сонный, пѣжный и всегда такой печальный голосъ тихо напѣваетъ съ кровати:

А баю, баю, баю...

Скрипитъ одѣвъ, качается зыбка...

Кто тамъ въ этой зыбкѣ: Анята, Гриша, Оля? Ихъ много было... Приходили они въ міръ, бѣленькіе и черненькіе, мальчишки и дѣвочки, они смотрѣли на Божій міръ сѣрыми, голубыми, темными глазками, смѣялись и плакали, различали горькое и сладкое, выговаривали „тятя“ и „мама“, ползали по полу голыми ножками и, схватившись рученками за лавку, пробовали встать... А потомъ ложились въ бѣлые сосновые гробики, и ихъ уносили въ наше темное кладбище.

Дѣдушка Филиппъ насадилъ тамъ своими руками и должно быть, по своему вкусу, однѣ елочки. Съ тѣхъ поръ выросли огромныя ели, и темнымъ лѣсомъ глядѣло между полей наше кладбище. Тихо было въ немъ, не прилеталъ соловей къ угрюмымъ елямъ и только кукушка по веснамъ говорила оттуда людямъ о смертномъ часѣ.

Выросли тамъ, въ томъ углу, гдѣ лежали дѣтушки, маленькія холмики, заросли зеленой травой, забывались понемногу голубые, сѣрые и темные глазки...

Только не закрывались раны въ сердцѣ материнскомъ.

Урвется мать въ церковь,—не часто отъ дѣтей ходитъ удавалось,—на могилу зайдетъ, меня возьметъ.

Пять могилокъ, пять маленькихъ холмиковъ, заросшихъ травой, изъ которой выглядываетъ бѣлая ромашка и розовый горошекъ, сгрудились кучкой, рядышкомъ между покосившимися и почернѣвшими крестами большихъ могилъ. Мать долго молится, стоитъ на колѣняхъ и припадаетъ лбомъ къ зеленому холмикахъ, а слезы тихо катятся по щекамъ, и беззвучно шевелятся губы.

Гришенька, золото ты мое... Оленька, умница ты моя расхорошая... урвется шопоть, и забудется мать.

Стоитъ и смотреть на могилки, словно слушаетъ, какъ тамъ вверху тихимъ гуломъ шепчутся ели...

Я дергаю ее за платье, она долго не замѣчаетъ, потомъ опомнится.

И то домой пора... Перекрестится еще разокъ, вздохнетъ глубоко и побредетъ домой, унылая-унылая, забывши про меня.

А плакать-то некогда, горевать времени нѣтъ...

Насъ семерыхъ обшить и накормить надо, а тамъ хозяйство, а тамъ новые дѣтскіе глазки ждуть отъ матери улыбки, требуютъ ласки... И не всѣ матери такъ богаты, чтобы могли вволю наплакаться надъ умершимъ ребенкомъ...

Помню, Гриша умеръ. Болѣзнь какая то ходила по деревнямъ и подбирала много дѣтей,—и тѣхъ, что въ зыбкахъ качались, и тѣхъ, которыя ползали и ходить учились. Горѣлъ ребенокъ, красный дѣлался, а потомъ умиралъ. Докторовъ въ то время не было. Наѣзжалъ изрѣдка лѣкарь изъ города, но всѣ такъ и знали, что онъ насчетъ мертвыхъ тѣлъ, а живыхъ не касается, и лѣчиться у него такъ же странно было бы, какъ идти вѣнчаться къ могильщику. Лѣчили бо-гоявленской водой, малиной, липовымъ цвѣтомъ, а больше полагались на милость Божію.

Умеръ Гриша въ ночь подъ воскресенье, а въ воскресенье назначена была помочь,—лѣто выпало жаркое, рожь начинала сыпаться. Кухня, горница и даже сѣни были биткомъ набиты столами, за которыми обѣдали мужики и бабы. Гриша лежалъ въ задней клѣтѣ, служившей кладовой и я былъ приставленъ къ гробику отмахивать вѣточкой мухъ отъ Гришина личика и стеречь, чтобы не вошла кошка и не испортила Гришу, чего мать ужасно боялась. Сквозь отворенныя двери до меня доносилось гудѣнье мужскихъ и бабьихъ голосовъ, упрасиванья отца и матери.

Въ кладовку входитъ мать, красная отъ жары и духоты съ опухшими отъ слезъ глазами на усталомъ лицѣ. Она долго стоитъ наклонившись надъ гробикомъ, катятся слезы изъ ея глазъ, и забываетъ она, что тамъ за столами гудятъ пятьдесятъ человекъ, которыхъ нужно обносить водкой и пивомъ, угощать кушаньями... Болѣзнь мой... Сердечный мой... Али

я не жалѣла тебя?.. Али не ласкала, Гришенька?—падаютъ, какъ слезы, жалобныя слова въ сосновый гробикъ. И долго-долго говоритъ мать съ сосновымъ гробикомъ.

Торопливо входитъ отецъ и останавливается, блѣдный и растерянный, и часто мигаетъ влажными вѣками, глубоко вздыхаетъ и крестится на образъ.

Надежда Михайловна! Наденька... осторожно трогаетъ онъ мать за рукавъ.—Что уже дѣлать-то,—не воротишь... Божья воля, Царя небеснаго... Галдятъ мужики-то глухо говорить онъ. Вотъ у насъ сколько ребятъ-то—объ нихъ подумать надо...

Мать торопливо утираетъ слезы фартукомъ и идетъ за отцомъ. Карпу Спиридонычу поднеси, уважь... шепчетъ отецъ въ дверяхъ.—Сама знаешь, какой онъ чивый...

И я слышу, какъ мать говоритъ,—я знаю она стоитъ со стаканомъ воды и кланяется.

Выкушайте, Карпъ Спиридоновичъ... Ужъ не обезсудьте, чѣмъ Богъ послалъ.

Много довольны, Надежда Михайловна...

Мать снова упрашиваетъ. Долго и скучно тянутся безконечныя церемоніи.

Шумъ и галдѣнье растутъ. Слышны тяжелыя шутки, взрывы смѣха.

Мимо окна съ громкими крикливыми пѣснями прошли кончившія обѣдъ бабы и дѣвки. Въ кладовку входитъ мать, она тяжело опускается на наваленныя въ углу мѣшки и плачетъ горькими безмолвными слезами.

Отнесли Гришу на темное кладбище, и подъ высокою елью выросъ новый холмикъ.

А вечеромъ разгорѣлась Даша, и потянулись долгія, бессонныя ночи... Некогда Гришину могилку оправить, некогда поплакать надъ нимъ...

Все не изсякаетъ великій источникъ материнской любви и жалости. Своего горя нѣтъ—чужія слезы рядомъ льются. Придетъ къ матери баба и начнетъ жаловаться:

Пожалѣй ты меня, Михайловна! Разговори ты меня какими нибудь словами, радѣльница ты моя... Все Ларивонушка чудится. Придетъ будто ночью, да обнимаетъ, да какъ за-а-плачетъ!.. Никогда моей матери не скучно говорить о дѣтяхъ. И примется она жалѣть бабу.

Какъ не горько Оринушка! Сама знаю, помретъ ребеночекъ—словно у тебя кусокъ тѣла оторвуть. И все думаешь не сберегла, мало жалѣла...

Пожалѣетъ мать, разговорить ласковыми словами, иной разъ и поплачетъ вмѣстѣ. И отлеветъ у бабы на сердцѣ, и уйдетъ она, умиротворенная чужой лаской и жалостью...

(Душеполезное Чтеніе 1902 г. Янв.).

Іосифъ епископъ Воронежскій.

Въ Сентябрѣ 1723 года умеръ Воронежскій епископъ митрополитъ Пахомій ¹⁾. Святитель скончался при исключительныхъ обстоятельствахъ: въ то время, какъ онъ лежалъ

---

¹⁾ О смерти м. Пахомія имѣются слѣдующія разпорѣчивыя указанія. Въ Описан. докум. и дѣлъ, хранящ. въ Арх. Св. Синода, т. II, ч. 1, Указат. личныхъ именъ, стр. 54, говорится, что м. Пахомій умеръ 23 Сентября 1723 года, въ Предисловіи же къ четвертому тому того же Описан. и въ другихъ томахъ утверждается, что смерть митрополита послѣдовала въ теченіи 1724 года. Странное разнорѣчіе въ одномъ и томъ же изданіи! Въ напечатанныхъ и описанныхъ документахъ синодальнаго Архива, къ сожалѣнію, прямыхъ указаній на годъ и мѣсяць смерти Пахомія не имѣется, но все-таки можно утверждать, что первая достоверная. Въ одномъ мѣстѣ «Описаній» есть такое замѣчаніе: бывший келейникъ Пахомія Маркъ въ 1728 году просилъ Св. Синодъ возвратить ему его «дубовый сундучокъ со скарбишкомъ, вятый въ Духовную Дикастерію вмѣстѣ съ оставшимся имуществомъ покойнаго Пахомія. «Означенный сундучокъ, сохранившійся съ 1723 года цѣлымъ, по опредѣленію Св. Синода, былъ выданъ просителю» (Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ Синод. Арх., т. VIII, № 153).

на смертномъ одрѣ, надъ нимъ производилось слѣдствіе по жалобамъ его пасомыхъ; смерть его не огорчила и Св. Синодъ, который никогда не считалъ этого пришлаго архіерея изъ Валахіи выдающимся іерархомъ. Даже погребеніе почившаго не отличалось особой торжественностію: его отиѣло, повидимому, одно мѣстное духовенство вмѣстѣ съ архимандритомъ Іосифомъ, производившимъ разслѣдованіе его винъ. Случилось такъ, что ровно чрезъ два года этотъ слѣдователь-архимандритъ завялъ каѳедру епископа, котораго онъ теперь погребалъ. Трудно было ожидать, чтобы Іосифъ, не знавшій что такое школа и наука, могъ рассчитывать на мѣсто въ ряду русскихъ святителей. То было время, когда одно образованіе обезпечивало судьбу монаха, и такіе случаи, когда архіерейство давалось за другія качества, были совсѣмъ немногочисленны. Нужно было быть либо Георгіемъ Дашковымъ, либо Львомъ Юрловымъ и имъ подобнымъ, чтобы имѣть возможность стать соепископомъ, Теофана, Θεодосія, Епифанія Тихорскаго, Лаврентія Горки и другихъ просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ времени Петра I и его ближайшихъ преемниковъ. Принадлежа къ «нешкольнымъ» архимандритамъ, Іосифъ очевидно имѣлъ у себя нѣчто такое, что дало ему возможность сдѣлаться сначала игуменомъ монастыря, а потомъ постепенно пройти степени архимандрита, епископа и умереть членомъ Св. Синода.

Совсѣмъ незнатный по происхожденію Іосифъ выдвинулся впередъ благодаря покровительству знатныхъ лицъ, но это было покровительство не то, которое возводитъ на высоту людей ничтожныхъ; наоборотъ, оно было лишь заслуженной данью достоинствамъ Іосифа, которыя заставили обратить на нихъ вниманіе «вкладчиковъ» монастыря, гдѣ онъ былъ игуменомъ. Чрезъ этихъ вельможъ-князей Голицыныхъ и Аврама Ѳедоровича Лопухина, брата царицы Евдокіи, Іосифъ

стала известна даже самой императрице Екатерине I, с того времени неизменно благоволившей ему и всегда покровительствовавшей. Высшая церковная власть цѣнила Иосифа не потому только, что его отличала государыня, но и за его проникательный умъ, практическую дѣловитость, замѣнявшія ему образование, за усвоенный имъ духъ законности, за должное уваженіе и отношеніе къ авторитету свѣтской и духовной власти,—добродѣтель, которая была рѣдка даже у лучшихъ людей его времени, а прочими почиталась за не что. Иосифъ былъ человекъ скромный безъ униженія и чуждъ былъ духа стяжательности. Все это такія качества, которымъ придавалъ значеніе и императоръ Петръ, а Екатерина считала ихъ положительнымъ достоинствомъ.

Иосифъ происходилъ изъ великорусской духовной семьи. Родители его «священнаго чина» люди сначала жили в г. Осташковѣ (Твер. губ.), а потомъ перешли въ Москву, гдѣ отецъ его былъ священникомъ у церкви Вознесенія на Смоленской площади за Никитскими воротами. По наследству приходъ перешолъ по смерти отца къ Иосифу, а когда умеръ его жена—онъ принялъ постриженіе въ одномъ изъ Московскихъ монастырей. У него былъ племянникъ діаконъ одной изъ Московскихъ церквей Василій Саввинъ ¹⁾; другой же родственникъ, іеромонахъ Троице-Сергіева монастыря Іона, постриженникъ Никитскаго монастыря, избранъ былъ братіей послѣдняго во игумены и архимандриты, но не былъ утвержденъ Св. Синодомъ, такъ какъ, представленный «для освидѣтельствованія предъ синодальное собраніе явился настоятельскаго званія повести не могущимъ» ²⁾.

Обстоятельствъ, при которыхъ Иосифъ сдѣлался въ

¹⁾ Опис., т. VII, № 6.

²⁾ Опис., т. VIII, № 660.

1714 году игуменомъ Никитскаго Переяславля Залѣскаго монастыря, мы не знаемъ; въ архимандриты же онъ былъ посвященъ чрезъ два года ¹⁾. Въ настольной грамотѣ, данной ему по этому случаю, говорилось:

«По благодати и дару Всевятаго и Животворящаго Духа и по власти, даннѣй намъ отъ Самаго Великаго Архіерея—Господа нашего Исуса Христа, повелѣніемъ же благочестивѣйшаго Великаго Государя нашего Царя, и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, патриаршескаго престола блюститель, преосвященный Стефанъ, митрополитъ Рязанскій и Муромскій, благословилъ и посвятилъ межъ патриаршества Переяславля Залѣскаго Никитскаго монастыря игумена Иосифа во оный же Никитскій монастырь храма Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и великомученика Никиты и преподобнаго отца нашего Никиты Столпника Переславскаго Чудотворца, въ архимандриты. Сего ради нынѣшняго 1716 года Марта въ день, когда челомъ Великому Государю онаго Никитскаго монастыря той же ошесобъявленный бывшій игуменъ Иосифъ съ братією, а въ прошеніи написано: въ Переславлѣ де Залѣскомъ устроися оная обитель болѣе шести сотъ лѣтъ, и преподобный Чудотворецъ Никиты Столпникъ древній, къ сему же и благородныя Государыни Царицы и Великія Княжны Екатерины Алексѣевны въ прошеніи къ преосвященному митрополиту написано: дабы, нынѣшнія ради

¹⁾ Никитскій монастырь, неизвѣстно когда и кѣмъ основанный (по монастырскому преданію, въ XII в., когда жилъ и пр. столпникъ Никита), принадлежалъ къ наиболее древнимъ. Онъ имѣлъ у себя довольно богатныя и многолюдныя вотчины, доходы съ которыхъ впрочемъ шли въ количествѣ почти $\frac{4}{5}$ въ Монастырскій Приказъ; кромѣ того у монастыря были и богатые вкладчики. До самаго 1716 года монастырь управлялся іеромонахомъ съ званіемъ игумена, съ такимъ же титуломъ управлялъ имъ и Иосифъ, но въ 1716 году, воспользовавшись рожденіемъ царевича Петра Петровича, онъ, поддержанный самой супругой императора Петра Екатериной Алексѣевной, подалъ Государю просьбу о томъ, чтобы быть ему архимандритомъ. Прошеніе Иосифа съ братією было уважено; указомъ Государя отъ 8 Марта 1716 года повелѣвалось посвятить игумена во архимандрита, для чего Иосифъ ѣздилъ въ Москву и здѣсь въ Успенскомъ соборѣ Стефаномъ Яворскимъ, мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола, «чинно на степень архимандрита вовведенъ».

Всероссійскія радости—рожденія благороднаго Государя Царевича и Великаго Князя Петра Петровича—и ея благородныя Государыни Царевны прошенія, преосвященный митрополить во ономъ Никитскомъ монастырѣ, вмѣсто игуменства, благословиль и посвятиль во архимандриты, съ шапкою, того бывшаго игумена Іосифа; а къ вышеписанному Никитскаго монастыря братскому прошенію того жъ Переславля Залѣскаго Горицкаго монастыря архимандрить Пахомій и вкладчики бояринъ князь Иванъ Алексѣевичъ, да князь Сергій Борисовичъ Голицыны, Авраамъ Ѳеодоровичъ Лопухинъ, Андрей Бѣляевъ, Александръ Сергѣевъ, Леонтій Магницкій, руку приложили. И Марта 8 числа Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, указаль и преосвященный Стефанъ митрополить Рязанскій и Муромскій, благословиль и повелѣль еже быти въ томъ монастырѣ архимандриту, съ шапкою и съ палицею, и ему, вышеобъявленному архимандриту Іосифу, быти въ томъ Никитскомъ монастырѣ и по немъ впредь будущимъ архимандритамъ вѣчно. Сей же архимандрить Іосифъ да будетъ выну благодѣлаемъ во спасеніи и назиданіи врученнаго ему стада, еже Христось поручи ему чрезъ мѣрность нашу подобаетъ убо ему, архимандриту Іосифу, быти благолюбиву, братолюбиву, кротку, смиренну, трезву, цѣломудренну, благоговѣйну, страннолюбиву, учительну, не пияницѣ, не сварливу, не мздопримцу, смотрѣливу, не завистливу, не сребролюбивцу, и церковному исполненію безъ лѣности прилежати ему и добръ о всемъ предстательствовати, и опасну стражу имѣти и радѣти о сущихъ подъ нимъ, и мысленные волки отгоняти отъ стада працею Божественныхъ словесъ, пророческихъ, апостольскихъ и отеческихъ преданій, и самимъ собою свѣтъ проявляти сущимъ въ невѣдѣніи, но глаголющему словеси (еже Христось ко святымъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ рече): „вы есте свѣтъ міра, и да просвѣтитесь свѣтъ вашъ предъ человекъ, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ“; просвѣщати же и учити свѣтомъ разума, еже есть собою образъ показовати во всѣхъ духовныхъ добродѣтеляхъ, учити же и наказывати, обращати же отторгшіяся и вращавати недужныя, яко согнявшіе и отпадшіе уды тѣлесе, и прилагати пластырь милостивнѣ къ язvamъ

ихъ и отгнати врачевственное благомастіе здраваго ученія и цѣлители язвы душевныя покояніемъ; сія сотворивый пастырю сподобится слышати отъ благаго Владыки Господа нашего Иисуса Христа божественный и сладкій гласъ глаголющи: „благій рабе вѣрный, въ малѣ еси вѣренъ былъ, надъ многими тя поставлю, види въ радость Господа твоего!“ Церковная же вся священнослуженія должень управляти по правиламъ св. апостоль и св. отецъ и по нашему благословенію, а въ недоумѣваемыхъ догматыхъ съ нами да совопрошается, о себѣ же мудрствовати въ ничесомъ же власть да имать, послушаніе же и покореніе имѣти ему къ намъ, оно же есть писано: „всяка душа властенъ предержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинени суть, тѣмъ же противляйся власти Божію повелѣнію противляется“. Жительствоующіе же во оной обители іеромонахи, и діаконы, и монахи, и слуги, и служебники, и вси христіане, примите радостно сего всечестнаго отца вашего и спасенію предводителя, архимандрита Іосифа, и повинуйтесь ему отъ всея души, яко самому Христу: ибо пастырь есть и образъ Божій имѣеть; предпочитайте его и слушайте во всемъ, яко не оному сего хотящу, но Христу, рекшу ко апостоламъ: слушаю васъ Мене слушаеть, отмѣтаяся же Мене отмѣтается пославшаго Мя; чѣмъ не будете отметницы, непослушницы Христовы, да обряцете отъ Него милость въ день судный. Архимандритъ же Іосифъ долженствуетъ проповѣдати слово Господне всѣмъ православнымъ христіанамъ, дабы православные христіане жительство имѣ ли по заповѣдемъ Божіимъ. Извѣтнаго же ради свидѣтельства оны, архимандритъ Іосифъ, яко отъ насъ благословень и чинно на степень архимандричества возвидень и рукоположень, писася и запечатася сія настольная грамота въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ патриаршемъ домѣ, и дадеса ему во велицей церкви Успенія Пресвятыя Богородицы и Великихъ Чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа. Лѣто отъ мірозданія 7124, воплощенія же Божія Слова 1716 года, Марта въ 11 день. Оная подлинная грамота за подписаніемъ преосвященнаго Стефана, митрополита Рязанскаго и Муромскаго.

Дѣятельность Іосифа, какъ настоятеля, была работой хорошаго, дѣловитаго помѣщика; въ тиши монастырской жизни

онъ вель обширное хозяйство, копилъ добро и созидаль благополучіе своего монастыря. Два, три случая изъ этого времени записаны какъ бы съ цѣлю не дать забыть о немъ. Какъ представитель «знатнаго» монастыря Іосифъ подписываетъ Духовный Регламентъ, участвуетъ въ торжествѣ коронаціи Екатерины I, ѣдетъ производить слѣдствіе надъ Воронежскимъ епископомъ м. Пахоміемъ. Очевидно, Св. Синодъ не забывалъ практичнаго Никитскаго архимандрита и въ его монастырскомъ уединеніи. Ближайшимъ образомъ слѣдствіе надъ Пахоміемъ было вызвано жалобой монаха Донецкаго монастыря Тихона съ братіей на митрополита, взявшаго изъ монастыря деньги и церковную утварь. Въ челобитной, поданной 1718 года въ Патріаршіи Духовный Приказъ, говорилось, что Пахомій присылалъ въ Монастырь своихъ доверенныхъ лицъ, которые наносили оскорбленія начальственнымъ лицамъ и побой монастырскимъ крестьянамъ, грабили монастырскія деньги и имущество. Когда же казначей Θεодосій поѣхалъ къ м. Пахомію съ жалобой, то, встрѣтивъ его въ селѣ Животинной на поминовеніи въ домѣ дворянина Веневитинова, получилъ отъ него побой: Пахомій «изъ своихъ рукъ билъ казначея тростію смертно и пробилъ ему руки и голову до крови, отнял у казначея лошадей и деньги, отослалъ въ оковахъ въ Воронежъ и держалъ подъ карауломъ шесть недѣль». Все забранное Пахомій обѣщаль возвратить монастырю, но вмѣсто того держалъ начальственныхъ лицъ подъ карауломъ и взялъ съ нихъ росписку, что все это отдано съ согласія братіи.

Патріаршіи Приказъ этого дѣла не рѣшилъ и тогда Св. Синодъ поручилъ дослѣдовать его архимандриту Іосифу ¹⁾. Бромъ того въ архіерейской казвѣ обнаружилась растрата

¹⁾ Описан., т. X, № 181.

денегъ, а веденіе прихода-расходныхъ книгъ было крайне небрежное.

Въ довошеніи своемъ Св. Синоду Пахомій писалъ, что чрезъ два года по пребытіи его въ Воронежъ (1714 году), іеромонахъ Никодимъ, правившій казначейскую должность умеръ скоропостижно, оставивъ послѣ себя «приходныя и расходныя книги не подписаны и не исправлены», хотя при его жизни онъ, Пахомій, «многажды» приказывалъ ему «дабы по книгамъ счелся». Когда Никодимъ умеръ, въ то время его, митрополита, въ Воронежѣ не было; по прибытіи же своемъ онъ приказалъ «тѣ приходныя книги противу расходу исправить» находившемуся при покойномъ казначеѣ старому подьячему Иванову; но и этотъ умеръ «въ 1720 году въ бытность его въ С.-Петербургѣ», оставивъ расходныя книги 1715, 1716 г.г. «неисправны и въ червѣ». Это обнаружилось въ 1721 году, когда Пахомій, получивъ синодальный указъ о присылкѣ лазаретныхъ денегъ, приказалъ своему казначею (вѣроятно, Варсонофію, бывшему потомъ архимандритомъ) въ Казенномъ приказѣ справиться по прихода-расходнымъ книгамъ о количествѣ денегъ, поступившихъ въ архіерейскій домъ съ прибытія его на епархію. При послѣдовавшей затѣмъ ревизіи книгъ, по приказанію его Пахомія, въ Судномъ Духовномъ Приказѣ, по приходнымъ книгамъ 1715 года «явилось» 2209 руб., 7 алтынъ, 1 деньга всѣхъ епархіальныхъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ; изъ нихъ въ расходѣ по расходнымъ книгамъ было всего 1931 руб. 11 алт. 4 ден., но остаточныхъ за расходомъ денегъ, вмѣсто 277 руб. 28 алт. 5 ден., на лицо оказалось только 58 руб. 6 алт. полтрети деньги. По расходнымъ же книгамъ 1716 года расходъ оказался превысившимъ доходъ на 11 руб. 4 алт. полтрети деньги «невѣдомо изъ какихъ особныхъ денегъ», именно: перваго было вмѣстѣ съ выдачею жалованья

за мартовскую половину 1637 руб. полшесты деньги, а втораго, т. е. всѣхъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ по епархіи 1626 руб. 2 алт.

Донося объ этомъ, Пахомій спрашивалъ Св. Синодъ, откуда онъ повелитъ пополнить недочетъ въ наличныхъ деньгахъ за 1715 годъ, за время казначейства Никодима и завѣдыванія книгами подьячаго Иванова. Св. Синодъ опредѣлилъ: запечатать пожитки казначея, взятое послѣ его смерти проживавшимъ въ Симоновѣ монастырѣ сербскимъ архимандритомъ Іоанникіемъ, и пожитки подьячаго Иванова, на дому у его брата, Воронежскаго священника Семена, и, повѣривъ показанный м. Пахоміемъ недочетъ по книгамъ «въ самую сущую правду» (для чего изъ Синода посланъ нарочный) «тотъ недочетъ возвратитъ въ надлежащее мѣсто изъ его казначейскихъ и изъ подьяческихъ пожитковъ» ¹⁾.

Въ Январѣ 1723 года Іосифъ, извѣстивъ Синодъ о своей готовности ѣхать «ради слѣдованія о Воронежскомъ архіереѣ» ²⁾, отправился сначала въ Москву, чтобы увидѣться съ синодальными, бывшими здѣсь, членами и получить надлежащія инструкціи, а потомъ подождать возвращенія на епархію м. Пахомія, вызваннаго въ столицу для суда по сдѣланному на него доносу ³⁾. Такъ какъ Синодъ оставался въ Москвѣ до половины Марта, то Іосифъ и Пахомій могли прибыть въ Воронежъ только къ Апрѣлю. Какъ велась ревизія, насколько виновнымъ оказался Пахомій, свѣдѣній у насъ не имѣется, но дѣло несомнѣнно было сложное, запутанное, тѣмъ болѣе, что къ прежнимъ растратамъ присоеди-

¹⁾ Описан., т. II, ч. 1, № 725.

²⁾ Описан., т. III, № 93.

³⁾ Доносъ этотъ былъ политическаго свойства и вѣроятно имѣлъ отношеніе къ дѣлу друга Пахомія, архимандрита Исаи, битаго за виновность его «вещадно» шелепами въ Александровскомъ монастырѣ предъ всей братіей (Опис., т. II, ч. 1, № 760).

вились новыя, въ которыхъ причастнымъ оказался новый казначей архіерейскаго дома архимандритъ Варсонофій, тогда же отрѣшенный отъ должности Іосифомъ ¹⁾. Дѣло было настолько трудное, для раскрытія его потребовалось такъ много времени, что Іосифъ пробылъ въ Воронежѣ почти полгода, вплоть до самой смерти м. Пахомія, послѣдовавшей 23 Сентября того же 1723 года. Нѣтъ указаній на то, чтобы Пахомій былъ боленъ какою-либо тяжелою болѣзнію; частые его разъѣзды по столицамъ и послѣдняя поѣздка въ Москву тоже не говорятъ о неизлѣчимомъ недугѣ митрополита; такъ что преждевременная кончина его (на 51 году жизни) была со-всѣмъ неожиданной. Нужно думать, что Московскій судъ и Воронежская ревизія были для него рѣшительно неблагопріятны, и Пахомій скончался отъ огорченія. Съ смертію подсудимаго кончилась и ревизія надъ нимъ; Іосифъ отдалъ послѣдній домъ почившему святителю, принявъ участіе въ его погребеніи, за что впоследствии получилъ изъ его имущества 50 руб. денегъ и «рясу обьяривную на песцовомъ мѣху» ²⁾.

(Продолженіе будетъ).

НЕКРОЛОГЪ.

(† Алексѣй Ивановичъ Сахаровъ).

Когда намъ приходится слышать о смерти какого-нибудь человѣка, то мы, въ большинствѣ случаевъ остаемся равнодушны къ этому, какъ къ факту неизбѣжному, привычному, естественному результату закона смертности людей. Но когда жертвой этого закона дѣлается знакомый, близкій, родной

---

¹⁾ Описан., т. IV, № 129.

²⁾ Описан., т. VII, прилож. VI, стр. XXXIX, XL.

намъ человѣкъ, когда ужасный, скорбный и величественный актъ смерти совершается надъ существомъ, съ которымъ мы недавно видѣлись, разговаривали и смѣялись, тогда невольный ужасъ обдастъ холодомъ наше сердце и тяжелое, страшно тяжелое чувство тоски заставляетъ забыть о мелкихъ суетныхъ заботахъ жизни и думать объ одномъ, только объ одномъ томъ, что единственно важно, нужно и необходимо...

7 Марта скончался воспитанникъ 5 класса нашей Семинаріи А. И. Сахаровъ. Скончался на 20 году, въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ собственно начинаетъ жить, когда жизнь представляется особенно хорошей и привлекательной. У покойнаго было много данныхъ, чтобы мечтать о такой жизни. Обладая музыкальнымъ талантомъ ¹⁾ онъ конечно могъ рассчитывать на дальнѣйшее музыкальное образованіе по окончаніи курса Семинаріи, на пріобрѣтеніе впоследствии извѣстности, славы. И вотъ, вмѣсто всего этого, вмѣсто молодой, радостной жизни—неумолимая смерть. Всѣ надежды, ожиданія и мечтанія разбиты и зарыты въ этой холодной мрачной могилѣ.

Конечно, ни слезы, ни сожалѣнія, ни похвалы не нужны отшедшему въ иную область жизни, чуждую болѣзни, печали и воздыханія. Но намъ, оставшимся въ живыхъ, эти слезы необходимы, какъ средство смягчающее и утѣшающее тяжелое чувство потери, намъ необходимо возстановлять въ памяти свѣтлый, нравственный обликъ почившаго, чтобы тяжесть вѣчной разлуки съ нимъ умѣрялась сознаніемъ, что ему «тамъ» будетъ хорошо. Я, какъ одинъ изъ близкихъ товарищей покойнаго, считаю своимъ долгомъ написать хоть эти немногія строки въ память его свѣтлой симпатичной

---

¹⁾ Онъ былъ лучшимъ музыкантомъ въ Семинаріи и въ послѣднее время управлялъ семинарскимъ оркестромъ.

личности. Покойный А. И. отличался замѣчательнымъ добродушіемъ, мягкостью характера и чистымъ незлобивымъ сердцемъ. Всегда привѣтливый въ обращеніи съ товарищами и ласковый до нѣжности, онъ никогда не позволялъ себѣ никакихъ насмѣшекъ и даже невинныхъ подшучиваній надъ другими. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что любовь къ ближнимъ есть самое важное дѣло, завѣщанное намъ Учителемъ-Богомъ, а потому любилъ и старался любить всѣхъ, кого только можно: страстно любилъ своихъ родныхъ, съ нѣжной дружбой относился къ товарищамъ, — и не стѣснялся нисколько высказывать эти свои чувства въ словахъ и поступкахъ.

Будучи чистымъ отъ природы и чистымъ по строго нравственному воспитанію, покойный А. И. не только былъ свободенъ отъ какихъ либо грязныхъ и гадкихъ поступковъ, но даже и мыслями своими онъ, кажется, никогда не тяготѣлъ къ нимъ. Всегда скромный, стыдливый, дѣвственный, хрупкій и болѣзненный, онъ производилъ впечатлѣніе чуждаго міру сему.

Жалко, очень жалко потерять такого товарища! Невыразимо тяжела, конечно, родителямъ утрата любимого и нѣжно любившаго ихъ сына! Но вотъ когда пройдутъ первые порывы тоски и отчаянія, когда слезы устанутъ, наконецъ, литься изъ глазъ ихъ, когда сердце ихъ, умиротворенное этими слезами, получитъ способность внимать словамъ утѣшенія; пусть тогда подумаютъ они, не проявилось ли въ смерти сына ихъ премудрое дѣйствіе Высшей воли, не лучше ли было то, что эта чистая душа оставила насъ въ началѣ своей жизни и, не запачкавшись грязью, пошлостью и мелочью жизни, перешла въ міръ иной въ свѣтлой одеждѣ своей невинности.

Блаженни бо чистѣи сердцемъ, яко тѣи Бога узрять.

Ив. Адамовъ.

О Т Ч Е Т Ъ

приходскаго Попечительства Воронежской Выходо-
Иерусалимской церкви за 1901 годъ.

Приходское Попечительство, учрежденное при Выходо-Иеру-
салимской церкви въ 1872 г., вступаетъ въ 30 годъ своего
существованія. Окончивъ годъ по примѣру прежнихъ лѣтъ,
на основаніи положенія о приходскихъ Попечительствахъ,
имѣеть долгъ отпечатать отчетъ о приходѣ и расходѣ въ
1901 г. и остаткѣ въ 1902 г.

П Р И Х О Д Ъ.

Остатокъ отъ 1900 г. на 1901 г.

Наличными.....	151 р. 11 в.	
$\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ бумагами.....	10455	» 57
	<hr/>	
		10606 р. 68 в.

Въ 1901 г. поступило.

$\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ съ капиталовъ....	355 р. 49 в.	
Возвращено $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ налога		
съ капиталовъ.....	16	» 31
Отъ непожелавшаго объ- явить своего имени.....	33	» 50
Отъ Е. И. П.	50	» —
» Сопинава.....	74	» —
» Парамнова.....	75	» —
» Ширяева въ память		
Василія и Евдовія.....	20	» —
Отъ Сивидыной.....	10	» —
» Долгополова.....	10	» —

Отъ Антонова.....	8 р.	— к	
› Гарденина.....	10	› —	›
› В. И. Оедорова....	3	› —	›
› Хамова.....	4	› —	›
› Воронова.....	1	› —	›
› Тюменева.....	6	› —	›
› Воищева.....	15	› —	›
Изь кружекъ членовъ...	38	› 17	›
› › ц ркви...	38	› 49	›
› Благотвор. Комитета	14	› 25	›
‰‰‰ бумагами поступило	100	› —	›
			882 р. 21 к.
			Балансъ... 11488 р. 89 к.

РАСХОДЪ.

Уплачено за хлѣбъ и пшено.....	211 р.	32 к.
Израсходовано для выдачи въ замужество	20	› —
› на погребеніе.....	5	› 50
Дрова для школы и богадѣльни.....	52	› 74
Единовременно къ праздникамъ Рожд.		
Христова и Пасхи.....	119	› 44
За платокъ для бѣдной дѣвочки.....	1	› —
Учителю пѣнія.....	32	› 50
› руководѣлія.....	36	› 50
Чертковой слѣпой.....	36	› —
Очистка сада и др. мелочн. расходы..	4	› —
Дубовой слѣпой старицѣ.....	8	› —
Голубчиной въ школу кройки за право-		
ученіе.....	3	› —
За книги для библіотеки школы.....	4	› 45
Страховка и храненіе билетовъ.....	17	› 80

За подѣлку столовъ для школы.....	12 р. — к.
> переплеть книгъ.....	7 > 40 >
> фисгармонію и ноты.....	85 > 96 >
На выписку журналовъ духовнаго со- держанія.....	18 > 99 >
Удовольствія для дѣтей.....	11 > 20 >
На покупку $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ бумагъ.....	104 > 60 >
	<hr/>
	Р. 792 р. 40 к.

Остатокъ на 1902 г.

Наличными.....	140 р. 92 к.
Билетами т. е. $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ бумагами.....	10555 > 57 >
	<hr/>
	10696 р. 49 к.
	<hr/>
	Балансъ... 11488 р. 89 к.

Бромъ денежныхъ пожертвованій были и матеріальныя: ситцу $451\frac{1}{2}$ арш. изъ коихъ отъ Дѣдова А. К. $151\frac{1}{2}$; Мленина М. М.—20; Кудинова Н. Н.—180 и Кудинова Гр. Н. 100; муки 60 пуд. изъ коихъ: отъ Безрукова А. Н. 50 билет. по 20 ф.—25 пуд.; отъ А. В. Кашенко 5 пуд.; отъ Бутурлиновскаго Т-ва 10 пуд.; отъ Соинна П. П. 5 пудовъ, Петрова 5 пуд. и Сошкова 10 пуд.; отъ Алонцева къ праздн. Пасхи 150 кул.

Для школы—отъ Сошкова письменныя принадлежности на 5 р., отъ П. К. Попова лакомствъ дѣтямъ къ Рождеству и Св. Пасхи на 6 р.

Всѣхъ получавшихъ ежедневно хлѣбъ и пшено было семействъ 19—лицъ 39.

Приходское Попечительство, принося благодареніе Богу,

за его милость, не может не засвидѣтельствовать своей искренней признательности лицамъ, принимавшимъ участіе въ отчетномъ году въ поддержаніе городскихъ бѣдныхъ и школы Входо-Іерусалимской прихода и вмѣстѣ съ тѣмъ питаетъ надежду, что такое полезное учрежденіе не будетъ оставлено безъ вниманія лицами, желающими добра своему ближнему.

Предсѣдатель попечительства *Филиппъ Александровичъ Петровъ.*

гор. Воронежа Входо-Іерусалимской церкви протоіерей *Аристархъ Аристовъ.*

Члены попечительства: *Василій Михайловичъ Сопиковъ, Андрей Казьмичъ Дьдовъ, Михаилъ Антоновичъ Воищевъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вакъ уже всѣмъ извѣстно, магазинъ мой всегда полонъ лучшими издѣліями изъ золота, серебра, брилліантовъ, мельхиора, иконъ и часовъ.

Кромѣ того извѣщаю г.г. покупателей, что съ 1-го января с./г. въ моемъ магазинѣ имѣется церковная утварь, какъ-то: сосуды, ковчеги, евангелія, паникадила, подсвѣчники, кресты и проч.

Продажа по умѣреннымъ цѣнамъ и безъ запроса.

Н. А. Михайловъ.

Магазинъ на Большой Дворянской ул., соб. домъ.

Телефонъ № 135.

ПО ТРЕБОВАНИЮ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

Заказы высылаются безъ задатка.

Существующее болѣе 35-ти лѣтъ

БОЛЪШОЕ

СПЕЦИАЛЬНОЕ-МЕХАНИЧЕСКОЕ ИКОНОСТАСНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ,

художественная мастерская живописи

Алекс. Борисовича МОСКАЛЕНКОВА,

въ сл. Алексѣевкѣ, Воронежской губерніи, собст. домъ.

Даетъ возможность за умѣренныя цѣны съ разсрочкою платежей (по особому соглашенію) имѣть всевозможные церковныя предметы.

Обращаться съ запросомъ и заказами по церковнымъ работамъ въ слободу Алексѣевку, Вирюченскаго уѣзда, собственный домъ, письменно лично съ предъявленіемъ рисунковъ.

ПО СОГЛАШЕНІЮ.

ИСПОЛНЯЮТСЯ ЗАКАЗЫ ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ.

Иконостасы деревянные и искусственнаго мрамора съ живописью и безъ оной.

Кіоты заклиросныя и столбовыя. *Сѣны* надъ престоломъ.

Иконы, для желающихъ увѣковѣчить память столь дорогаго для русскаго человѣка событія спасенія *Изъ Императорскихъ Величествъ и всей Августѣйшей Семьи* отъ угрожавшей смерти 17 окт. 1888 г., разныхъ цѣвъ.

Гробницы отъ 50 р. и *плащаницы* отъ 25 р. и дороже.

Картины прозрачныя на полотнѣ и стеклѣ отъ 25 р. и до 500 р.

Запрестольные образа 25 р. и болѣе.

Иконы аналойныя и другія на цинкѣ и деревѣ на золоченыхъ, чеканныхъ, гладкихъ и простыхъ фонахъ, отъ 10 р. и дороже, судя по размѣру и сложности. Живопись произво-

дится непосредственно руками художниковъ и живописцевъ, а не печатается машинами, какъ въ метахромотипическиххъ заведеніяхъ.

Роспись и окраску церквей съ уборкою и безъ оной.

Золоченіе главъ, куполовъ и крестовъ по системѣ на марданъ и фульфарбу.

Перезолотку старыхъ иконостасовъ и *реставрированіе* иконъ.

Свѣчи металлическія съ автоматическою подачею (полное сбереженіе восковыхъ огарковъ).

Подробное объявленіе см. № 5 Вор. Еп. Вѣд.

П Ч Ё Л Ъ

до ста семей.

$\frac{1}{3}$ въ Дадапахъ

$\frac{2}{3}$ въ мал. дупл.

С Ъ Н А

пудовъ 2,000, степное,
чист. пырей

продаются сходно, пшьюмъ: *въ сл. Никитовку, Валуйскаго уѣзда, Осмачкину.*

Книжки-Копѣйки

Нар. изд. Я. Бермана. Для ознакомленія одна кн. высыл. **бесплатно.** Слб., Фонтанка 95.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Слово, произнесенное Преосвященнѣйшимъ Анастасіемъ, Епископомъ Воронежскимъ и Задонскимъ, 4 Апрѣля 1902 г. предъ панихидою по Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ Дмитріѣ Сергѣевичѣ Сипягинѣ.

Памяти Преосвященнѣйшаго Іосифа, Епископа Михайловскаго. Кончина и погребеніе его.—(Церк. Вѣстн. № 14).

Назрѣвшее дѣло.—*И. Никольскаго.*

Типы православнаго духовенства въ русской свѣтской литературѣ 1899—1901 г.г.—Душен Чтеніе. 1902 г.).

Іосифъ епископъ Воронежскій.

Нокрологъ. († Алексѣй Ивановичъ Сахаровъ).—*Ив. Адамова.*

Отчетъ приходскаго Попечительства Воронежской Входо-Іерусалимской церкви за 1901 г.

Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *В. Ворисоглѣбскій.*

Дозволено Цензурою. Воронежъ. 27 Апрѣля 1902 г. Цензоръ Протоіерей *А. Спасскій.*